

О ЛИЦѢ ИСУСА ХРИСТА:

МЫСЛИ *) ПОКОЙНАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОАННА,

ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО,

бывшаго ректора и профессора догматики въ нашей академіи.

I.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ личность во всякомъ дѣлѣ. Въ мірѣ нравственномъ она кладетъ свою печать на всѣ дѣйствія человека. И всегда, во всякомъ дѣлѣ—вѣрнѣе заключать отъ личности къ дѣлу, чѣмъ на оборотъ: часто бываесть, что лицо великое и уважаемое случайно можетъ

*) Считаеиъ нужнымъ объяснить читателямъ происхожденіе печатаемыхъ здѣсь *Мыслей*. Покойный преосвященный, въ бытность свою ректоромъ нашей академіи (съ 1864 по 1866 г.), занималъ кафедру догматическаго богословія. Преподаваніе имъ этого предмета отличалось слѣдующими двумя особенностями: во-первыхъ, лекціи его отличались философско-умозрительнымъ характеромъ, отступая совершенно отъ извѣстныхъ систематическихъ методовъ изложенія догматовъ, а во-вторыхъ, онѣ не писались имъ прежде и не записывались имъ послѣ ихъ произнесенія. Это были въ собственномъ смыслѣ импровизаціи богословствующаго ума, но впечатлѣніе ихъ на студентовъ (XXVI и XXVII курсы), при силѣ и глубинѣ мысли и при оригинальности рѣчи, было огромно.

За импровизаторомъ-богословомъ записывали не многіе, потому что экзамены по догматикѣ производились по догматическому богословію преосвященнаго Макарія. Изъ студентовъ XXVII курса (1863—67 г.) записывалъ одинъ только Иванъ Петровичъ Пеньковский (теперь наставникъ новгородской семинаріи), который и доставилъ намъ печатаемыя теперь лекціи, такъ что мы рѣшительно лишены средствъ исправить и дополнить его записъ. А между тѣмъ, при глу-

выпустить дѣло изъ рукъ. Поэтому и намъ, для полнаго пониманія христіанскихъ истинъ—догматическихъ и нравственныхъ, нѣтъ лучшаго средства, какъ изучить ту Личность, которая основала это ученіе. Эту Личность, Личность Христа мы и прослѣдимъ во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни. Тогда и ученіе будетъ понятнѣе для насъ. Изученіе божественной Личности ведетъ къ тому, что свѣтъ отъ нея больше и обильнѣе будетъ падать на ея ученіе, и мы тогда лучше поймемъ то громадное значеніе, которымъ міръ обязанъ ей.

Въ послѣднее время много было попытокъ, — богословскихъ и историческихъ,—съ цѣлію выяснить Личность Спасителя. Но въ этихъ попыткахъ можно замѣтить два основныхъ недостатка: во первыхъ, недовѣріе къ первичнымъ источникамъ, въ которыхъ описывается жизнь Іисуса Христа. Конечно эти источники могутъ подлежать изслѣдованію и съ ученою цѣлію можно подвергать ихъ критикѣ; но учоная справедливость и здравая логика говорятъ, что пока не изслѣдованы источники, не нужно писать и жизни Христа. Второй недостатокъ тотъ, что, и съ довѣріемъ относясь къ источникамъ, заранѣе составляютъ для себя масштабъ, съ которымъ приступаютъ къ измѣренію этой Личности. Раз-

бнѣе возрѣвнѣй, по мѣстамъ въ этихъ лекціяхъ недостаетъ связи въ мысляхъ и точности въ выраженіи. Мы впрочемъ болѣе склонны отнести этотъ недостатокъ на счетъ записывателя, чѣмъ на счетъ импровизатора-богослова, который обладалъ рѣдкимъ талантомъ безъ приготовленія говорить строго послѣдовательно и точно, но за которымъ, въ силу особенной оригинальности его ума и языка, весьма трудно было записывать. Не смотря на то, Редакція съ благодарностію къ Н. П. Ценьковскому печатаетъ доставленные имъ лекціи покойнаго ректора и профессора нашей академіи. Печatanіе этихъ «мыслей», конечно, не много прибавитъ къ репутаціи покойнаго, какъ оригинальнаго проповѣдника и учонаго канониста, но оно доставитъ читателямъ, любящимъ вдумываться въ сущность и судьбы христіанства, не мало интереса, при всей незавершенности внѣшней формы выраженія ихъ.

Первыя три лекціи были уже напечатаны въ декабрьской книжкѣ «Хр. Чтенія» за прошлый годъ; но редакція сочла полезнымъ въ виду того, что въ настоящемъ году второе больше подписчиковъ, напечатать курсъ лекцій споина.

Ред.

мѣръ этого масштаба, очевидно, опредѣляется тою точкою зрѣнія, которую избираетъ испытующій умъ, значитъ опредѣляется «подлежаательно». Въ этомъ случаѣ гораздо уже лучше готовить мѣру для опредѣленія личности болѣе широкую, нежели узкую. Узкая рамка сдавить ее и она со многихъ сторонъ не будетъ понята, тогда какъ въ широкой рамкѣ личность лучше обозначится, и если личность высока, широкая мѣрка не скроетъ ея высоты. И это естественно: если нужно бываетъ испытать степень ума человѣка, нужно давать ему для испытанія трудъ большой, тяжелый, — умъ слабый прямо покажетъ на немъ свою несостоятельность, а умъ высокій — свою силу; къ малому же труду высокій умъ отнесется не серьезно. Такимъ образомъ и тѣ господа, которые пытались по евангеліямъ писать жизнь Спасителя, не могли, при своей узкой рамкѣ, изобразить во всемъ свѣтѣ лучезарную Личность Спасителя. Репанъ въ тѣсныя рамки заключилъ жизнь Спасителя, вслѣдствіе чего его книга оказалась слабой и пустой.

Что касается до принятаго у насъ метода отдѣльнаго изученія догматическаго ученія христіанства, то этотъ методъ, независимо отъ другихъ недостатковъ, страдаетъ еще тѣмъ кореннымъ неудобствомъ, что здѣсь мы изучаемъ ученіе Христа въ разединеніи съ Его личностію. Правда, церковь ручается намъ за неповрежденность ученія Христа, но за то при такомъ методѣ мы не видимъ живаго образа Спасителя. Поэтому изученіе становится скучнымъ; изучающему представляются недоумѣнія и сомнѣнія, и неудивительно, если, вмѣсто убѣжденія въ божественности христіанскаго ученія, онъ впадетъ въ колеблемость относительно его. Чтобы устранить эти недостатки, мы будемъ изучать ученіе христіанское въ связи съ ученіемъ о Личности Христа, излагая то и другое по порядку евангелій, и тогда наши чтенія получатъ внутреннюю силу.

Остановившись въ прошлый курсъ на разсмотрѣніи первыхъ проявленій Личности Спасителя въ Его бесѣдахъ съ

учениками, мы не будемъ повторять сказаннаго. Пойдемъ дальше.

Иисусъ Христосъ великія истины высказывалъ въ простыхъ бесѣдахъ съ простыми людьми. Въ настоящій разъ мы будемъ разсматривать такую бесѣду Его съ женою самарянякою. Что поражаетъ насъ въ этой бесѣдѣ Спасителя? — Поражаетъ прежде всего необычайная гуманность. Надобно представить тогдашнее разъединеніе между людьми: даже между евреями, людьми родственными, не было единства; гражданское разъединеніе раздѣляло самарянъ и іудеевъ. Причиной такого разъединенія было религіозное предубѣжденіе, — религія стояла тогда на первомъ планѣ. И вотъ при этихъ-то условіяхъ является человѣкъ, который положительно и ясно объявляетъ, что этого раздѣленія — ни религіознаго, ни моральнаго, ни политическаго — не должно быть; всѣ люди, по его воззрѣнію, одинаковы. Это отрицаніе раздѣленій касалось и нравственной стороны; вопреки тогдашнимъ общепринятымъ началамъ, Христосъ не даетъ предпочтенія менѣе нравственному предъ болѣе нравственнымъ. Самарянка презрѣнна для іудеевъ во всѣхъ отношеніяхъ, а всего болѣе — въ религіозномъ; кромѣ того она — женщина не нравственнаго характера и дурнаго поведенія: но Богочеловѣкъ Христосъ не обращаетъ на это вниманія; Онъ относится къ ней, какъ къ лицу достойному во всѣхъ отношеніяхъ. Ренанъ говоритъ, «что Иисусъ будто бы пользовался слабыми сторонами женскаго пола, чтобы чрезъ этотъ полъ пріобрѣсть больше популярности въ народѣ». Эта мысль говоритъ сама о своей фальшѣ.

Посмотримъ на предметъ бесѣды. Какимъ образомъ эта женщина, безнравственная, неспособная на взглядъ другихъ къ воспринятію божественнаго откровенія, какимъ образомъ она избрана Христомъ для сообщенія ей высочайшихъ истинъ? Нужно имѣть понятіе о нравственности того времени, чтобы видѣть, на какую высоту Христосъ ставитъ своею бесѣдой самарянку. Какой тогдашній человѣкъ могъ бы понять, что

Богу прилично поклоненіе духомъ и истиною? А эти слова Богъ высказываетъ простой жепщинѣ. Богочеловѣкъ глубоко проникалъ въ природу человѣка; онъ зналъ, что въ человѣческой природѣ есть такія стороны, для которыхъ тогдашнее богопоклоненіе было недостаточно, которыхъ оно не могло удовлетворить. Даже умъ, — и тотъ не могъ питаться тѣми формами богослуженія, которыя были въ то время употребительны у іудеевъ; эти формы, хотя сами по себѣ достопочтенныя и происхожденія божественнаго, по вѣчно продолжаться въ человѣчествѣ онѣ не могли; такъ какъ онѣ были чѣмъ-то хрупкимъ, чѣмъ-то матеріальнымъ. Нужно было создать новую религію, вѣчную, такую, почва для которой была бы въ самомъ человѣкѣ. Христосъ находитъ эту почву въ глубинѣ человеческого духа, почему и самарянка является ему способною къ истинному богопочтенію. Возможны ли такіе расчеты для человѣка обыкновеннаго?... Стало быть, Христосъ—то Лицо, которое было выше всего человѣчества. Въ призваніи самарянки къ истинному богопочтенію, къ поклоненію Богу духомъ и истиною, высказалось то начало, которое мы положимъ въ основаніе нашей рѣчи о жизни Іисуса Христа: только тотъ можетъ быть названъ, какъ божественный Основатель, кто во всей глубинѣ, высотѣ и широтѣ пойметъ человѣческую природу, т. е. кто пойметъ всю глубину, высоту и широту моральнаго сознанія человѣчества.

Бесѣда Іисуса Христа съ самарянкою такъ много высокихъ сторонъ представляетъ въ Лицѣ Іисуса Христа, что на ней слѣдуетъ остановиться съ полнымъ вниманіемъ. И во первыхъ, многозначительно для насъ то обстоятельство, что Іисусъ безразлично относится къ личности, съ которою ведетъ бесѣду. Христосъ—такое высокое Лицо, и безразлично относится къ тому, кто и какъ Его слушаетъ! Ренанъ называетъ это униженіемъ, и ставитъ Ему въ укоръ. Но для насъ подъ этою безразличностію открывается много особенно важныхъ чертъ во Христѣ. Мы—люди, — при всемъ нашемъ развитіи, при всемъ нравственномъ индефферентизмѣ, при нашей гу-

манности, никакимъ образомъ не могли бы сами себя поставить въ такое положеніе, въ какое Христосъ поставилъ Себя въ этой бесѣдѣ. Мы не могли бы представить, какимъ образомъ женщина неразвита, грубая, можетъ понять глубокіе предметы. Далѣе, встрѣчаясь съ женщиной, которая имѣла пять мужей и имѣетъ еще шестаго незаконнаго, мы никакъ не могли бы отрѣшиться отъ мрачныхъ нравственныхъ сторонъ женщины, и это теперь—когда прошло столько вѣковъ. Этого факта въ жизни Спасителя нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что Иисусъ выше челоуѣчества, потому что Онъ стоитъ выше слабостей умственныхъ и моральныхъ. Надобно признать, что Иисусъ — челоуѣкъ былъ слишкомъ высокъ въ умственномъ отношеніи, что Его умъ неограниченъ и необъятенъ, чтобы постигнуть такъ ясно и просто духъ природы такой женщины. Его нравственный характеръ такъ возвышенъ, что Его не могутъ отталкивать никакія нравственные язвы. Это одно событіе въ исторіи Спасителя, этотъ одинъ фактъ встрѣчи съ женой самарянокъ, если хорошо анализировать ихъ, уже даютъ понятіе о Лицѣ Христа.

Независимо отъ личныхъ свойствъ Христа, необходимо допустить и то, что такое безразличное отношеніе его къ челоуѣчеству не только немощному, но и обезображенному, такое отношеніе можетъ быть только въ челоуѣкѣ, который долженъ быть лично *занятъ* этими язвами; иначе язвы Его оттолкнули бы. Это точно также, какъ къ трупамъ и язвамъ спокойно можетъ относиться только тотъ, кто призванъ къ этому, т. е. врачъ. Не обращая вниманія на дальнѣйшіе факты изъ жизни Христа, одинъ этотъ можетъ показать, что Христосъ долженъ быть врачъ челоуѣческихъ немощей. Наконецъ должно обратить вниманіе и на то, что бесѣдовать съ такою женщиной можно не иначе, какъ если она существо личное само въ себѣ, и не иначе, какъ если бесѣдующій съ нею поставить се въ уровень съ собой и въ отношеніи умственномъ, т. е. поставить ея умъ на такую высоту, чтобы она понимала его, и когда въ нравственномъ

отношеніи поставить ее если не наравнѣ съ собою, то на такую высоту, чтобы ея рапы и язвы стушевывались на этой высотѣ. И мы въ Иисусѣ не можемъ не признать этой черты: Онъ при всякой встрѣчѣ съ человѣкомъ выводитъ человѣка изъ его несчастнаго и приниженнаго положенія и возвышаетъ на такую высоту, что какъ бы уничтожаетъ между Собою и имъ разстояніе. Христосъ хотѣлъ видѣть не случайныя явленія въ человѣкѣ, а человѣчество, его идеальныя стороны;— и теперь видѣлъ передъ Собою не женщину, которая вела безнравственную и развратную жизнь, женщину неспособную и неподготовленную, а просто человѣческую патуру. А патура, не смотря на свои слабости и пороки, всегда имѣетъ въ себѣ воспріимлемость къ тому, что выше окружающаго ее, и — всегда сохраняетъ нравственное достоинство. Понятно послѣ этого, почему Христосъ всегда находилъ отголосокъ у всѣхъ людей. Послѣ этого можно отмѣтить и то, что въ бесѣдѣ касается собственно женщины. Фактъ этотъ — встрѣча Христа съ самарянкой—выводитъ женщину изъ того положенія, въ которомъ она дотолѣ была; Христосъ этимъ фактомъ ясно указываетъ, что женщина въ мірѣ духовномъ имѣетъ положеніе не ниже того, какое занимаетъ мужчина; она поднята Христомъ и ей указано, что она, со стороны духовной, можетъ достигать тѣхъ же высшихъ цѣлей, какія преслѣдуетъ и мужчина. Странно!—нигдѣ этотъ вопросъ разрабатывается, какъ бы новое что-то. Человѣческій умъ забываетъ при этомъ тѣ основы, которыя нужны для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, но которыя уже были открыты Христомъ и указаны въ Его бесѣдѣ съ самарянкой!

Что касается предмета бесѣды Христа съ самарянкой, то предметъ этотъ составляло богопоклоненіе, именно—та истина, что *Богъ есть духъ*, что Христосъ ищетъ поклоненія Богу духомъ и истиною, и что этотъ образъ поклоненія угоднѣе, чѣмъ заповѣданный въ ветхомъ завѣтѣ, и что онъ долженъ быть повсемѣстный—и въ Іудеѣ и въ Самаріи. Намъ, воспитаннымъ въ христіанствѣ, кажутся эти истины такъ извѣст-

ными, что по видимому нѣтъ нужды задумываться надъ ними особенно долго; но надобно обратиться за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, чтобы понять всю неожиданность и неудобопостижимость этихъ истинъ. Человѣкъ, который такъ просто, безъ умствованій, открываетъ эти истины, долженъ быть выше всего человѣчества. Съ другой стороны, эти истины отрываются въ бесѣдѣ съ простою женщиною,—это показываетъ, что эти истины такъ просты и родственны намъ, что ихъ можетъ понять простая, неразвитая женщина. Иначе вышло бы, если бы Христосъ раскрылъ ихъ фарисеямъ и книжникамъ; тогда эти истины не могли бы получить съ перваго раза такой прочности и твердости. Онѣ здѣсь предлагаются просто, а простота даже въ умозрѣніяхъ есть первѣйшій признакъ истинности.

Называя Бога *духомъ*, Христосъ не хочетъ этимъ выразить одну безплотность, — безплотность была извѣстна и въ вѣтхомъ завѣтѣ. Здѣсь не одно отрицаніе плотяности: Бога онъ называетъ духомъ въ смыслѣ абсолютномъ. Сопоставляя эти слова Спасителя съ другими здѣсь же находящимися словами (Іоанн. IV, 25 и 26), нельзя не видѣть, что Онъ этимъ показываетъ и тѣ свойства, по которымъ Онъ имѣетъ отношеніе къ міру и человѣку. И поклоняться Богу духомъ, это значить—надобно возвыситься цѣлому человѣчеству въ духовномъ отношеніи, и до того возвыситься, чтобы быть достойнымъ этого Верховнаго духовнаго существа. Онъ разумѣетъ возвышенное развитіе человѣчества умственное и нравственное, чтобы чрезъ это оно сдѣлалось достойнымъ сначала своего человѣческаго достоинства, и затѣмъ уже—Божества.

Поклоненіе истиною: — подъ нимъ надобно разумѣть поклоненіе не только свободное отъ лжи, больше — поклоненіе умомъ, т. е. когда человѣческій разумъ въ своихъ стремленіяхъ къ Богу достигъ такой степени знанія, что болѣе или менѣе прямо и непосредственно касается самой истины; находя полное удовлетвореніе своимъ высшимъ стремленіямъ,

опъ тогда поклонялся бы Богу, отъ Котораго получаетъ это знаніе. Знаніе есть великая сила. Мы въ самомъ ученіи христіанскомъ находимъ указаніе на то, что наша вѣра разовьется *до видѣнія*. Нужно замѣтить, что недостатокъ въ человѣкѣ религіозности, вѣры, — все это имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ нѣтъ знанія, а гдѣ есть знаніе, тамъ не можетъ быть ни сомнѣнія, ни невѣрія, отвергающаго существо религіи. Что это за знаніе? Ученики Христа въ развитіи ученія главнымъ образомъ проповѣдывали вѣру, стало быть, какъ бы не то, что мы разумѣемъ подъ знаніемъ. Тѣмъ не менѣе вѣра евангельская сама въ себѣ заключаетъ зародышъ этого знанія, не того знанія, что мы разумѣемъ въ смыслѣ безусловнаго соглашенія; вѣра въ смыслѣ безусловнаго соглашенія переходитъ въ суевѣріе. Нѣтъ, — знаніе, зародышъ котораго скрывается въ самой вѣрѣ христіанской, есть то *видѣніе*, которое открываетъ намъ высокіе предметы, указываетъ предметъ и цѣль, къ которымъ долженъ стремиться человѣкъ, это есть созерцаніе Того, Кому долженъ поклоняться человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ. Съ другой стороны, поклоненіе Богу истинною не исключаетъ и того знанія, которое принадлежитъ человѣку въ кругу естественныхъ предметовъ; ибо умъ человѣческій, изслѣдуя естественные предметы, имѣетъ стремленіе къ безконечной вѣчной истинѣ. Этимъ Христосъ даетъ понять, что наши естественныя познанія имѣютъ и должны имѣть цѣлю эту безконечную истину. Такое знаніе не можетъ быть недостойно Бога, а слѣдовательно должно имѣть и моральное значеніе. И вотъ фактъ, подтверждающій это: — великіе люди были и людьми религіозными...

Наконецъ, Христосъ заключаетъ свою бесѣду съ самарянкой тѣмъ, что поклоненіе Богу духомъ и истинною относитъ къ будущему времени, во всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ. Это показываетъ, что истины, которыя Онъ раскрываетъ въ бесѣдѣ, принадлежатъ всему человечеству всѣхъ временъ. Съ другой стороны, мы усматриваемъ отсюда, что пониманіе людьми этихъ истинъ и въ настоящее время еще далеко не совершенно.

II.

Между выраженіями; въ которыхъ Христосъ характеризуетъ Себя, есть такое, гдѣ Онъ приписываетъ Себѣ «жизнь въ Самомъ Себѣ», и это выраженіе о жизни Онъ сопоставляетъ съ выраженіемъ о жизни Отца: *якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и сынози животъ имѣти въ Себѣ* (Іоанн. V, 26). Такое сопоставленіе показываетъ, что жизнь, какую Онъ приписываетъ Себѣ, подлежитъ понимать въ смыслѣ не совсѣмъ обыкновенномъ.

Имѣть жизнь въ себѣ самомъ—значить имѣть жизнь независимую, — жизнь, которая развивается сама по себѣ, по своимъ внутреннимъ побужденіямъ, и въ себѣ же самой имѣетъ цѣли своего развитія. Такая жизнь для насъ и недоступна и не совсѣмъ даже удобопонятна; потому что самую богатую, самую дѣятельную жизнь, которая не выходитъ изъ уровня человѣческой жизни, нельзя назвать жизнію самой въ себѣ. Наша дѣятельность и жизнь отъ начала до конца подчинены самымъ разнообразнымъ и многосложнымъ условіямъ. Первая и высшая сила человѣческаго духа есть умъ; но и онъ, какъ бы ни былъ силенъ и возвышенъ надъ условіями, нуждается во внѣшнихъ побужденіяхъ, и безъ этихъ побужденій самый геніальный умъ можетъ остаться неразвитымъ. А другія человѣческія силы и способности, напр. чувство, еще болѣе подвержены зависимости отъ этихъ условій. Даже гдѣ наша жизнь по видимому совершенно независима, и тутъ она не можетъ назваться жизнію самой въ себѣ, тутъ есть внутренніе законы и масштабы, которыхъ избѣгать мы не можемъ. Слѣдовательно Іисусъ Христосъ когда говоритъ, что имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, поставляетъ Себя выше всѣхъ людей. Что же это за жизнь?

Этотъ вопросъ рѣшить не трудно, если мы обратимъ свое вниманіе на внутреннюю жизнь Христа, какъ раскрывалась она въ мірѣ во время Его земной жизни. Эта жизнь.

не подлежала обыкновеннымъ условіямъ дѣятельности человека. При самомъ началѣ своей земной жизни, когда духовныя силы обыкновеннаго человека едва только начинаютъ обнаруживать нѣкоторые проблески, Христосъ высказываетъ, что эти силы дѣйствуютъ въ Немъ независимо и сами по себѣ. Для этого стоитъ только припомнить Его бесѣду въ храмѣ, когда Онъ говоритъ, что у Него нѣтъ отношеній семейныхъ и общественныхъ, и что Онъ пришолъ исполнить только волю Небеснаго Отца. Иисусъ Христосъ—это безграничный умъ, который обнимаетъ собой всѣ судьбы человѣчества,—судьбы настоящія и будущія, и не внѣшнія только, но судьбы духовныя и нравственныя, которыя болѣе, нежели другія судьбы, подлежатъ неопредѣлимымъ условіямъ. Иисусъ Христосъ — это безграничная сила чувства, которая возвышается надъ всѣми условіями,—это безграничная сила духа, которая въ Его Лицѣ хочетъ обнять все человѣчество всепримиряющею и всепрощающею любовію,—это безграничная сила воли, которая все подчиняетъ себѣ, къ чему ни прикоснется:—все это показываетъ, что эта жизнь совершенна, что она есть жизнь сама въ себѣ. — Смотри на Христа со стороны, мы можемъ видѣть, что не Его жизнь опредѣляется внѣшними обстоятельствами, а напротивъ внѣшнія обстоятельства опредѣляются Его жизнію. Даже можемъ видѣть, что внѣшнія обстоятельства для Него вовсе какъ бы не существуютъ. Онъ дѣйствуетъ, какъ еслибы этихъ обстоятельствъ и не было; Его жизнь была совершенна и полна сама въ себѣ.

Если такимъ образомъ жизнь Христа внутренняя, духовная, представляется въ такой независимости, въ такой полнотѣ и силѣ, то, конечно, по самому послѣдовательному закону мышленія, мы можемъ придти къ такому заключенію, что эта жизнь не могла не возвышаться и надъ условіями физическими; ибо невозможно представить, что предъ такой неограниченной силой должны имѣть какое нибудь значеніе силы физическія. Отсюда уже понятно и то, чѣмъ заключилась жизнь

этого Лица, т. е. понятно Его воскресеніе; узавъ смерти эту жизнь невозможно было удержатъ. Далѣе понятно и то, что такая полнота и сила жизни, какъ скоро приходила она въ соприкосновеніе съ жизнью другихъ людей, то не могла въ нихъ не отражаться, не могла не быть источникомъ жизни для другихъ людей. Почему онъ и говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихъ же хочетъ, живитъ* (Іоанн. V, 21). По ближайшей связи обстоятельствъ—эти слова относятся къ тѣмъ исцѣленіямъ отъ смертныхъ болѣзней, которыя записаны въ Евангеліи, и прежде всего къ заочному исцѣленію сына царедворцева и разслабленнаго, 38 лѣтъ страдавшаго. Но, само собою разумѣется, эта жизнь могла дѣйствовать и не однимъ непосредственнымъ физическимъ путемъ,—она дальше должна была простираться, и мы видимъ это при малѣйшемъ соприкосновеніи Христа съ другими людьми; одно слово Его располагаетъ къ Нему; безъ всякаго приготовленія люди бросаютъ все и идутъ вслѣдъ за Нимъ, не давая себѣ въ томъ никакого отчета. Потому это же дѣйствіе Его безграничной силы видно и изъ того, что довольно было одного слова Его всепрощающей любви, чтобы обратить отчаяннаго грѣшника на истинный путь жизни... Эти и подобные случаи показываютъ, какъ обильно жизнь истекала изъ этой Личности въ жизнь другихъ людей.

Можно даже сказать болѣе,—эти случаи показываютъ еще только зародыши того развитія этой безграничной жизни, какую Іисусъ Христосъ принесъ въ человѣчество. Если мы обратимъ вниманіе на нравственные дѣйствія Его ученія, Его жизни, то можемъ вполне понять выраженіе: *Отецъ Мой воскрешаетъ мертвыя и живитъ, и Сынъ, ихъ же хочетъ, живитъ*. Жизнь, которую Христосъ ввелъ въ человѣчество, — эта жизнь духа, въ противоположность плоти, жизнь отрѣпощенная отъ грубой вещественности умѣетъ возвышаться надъ неизбѣжными условіями человѣческой жизни. Эта жизнь идей, въ противоположность жизни въ образахъ, постоянно развивается въ своихъ потокахъ со времени появленія христіан-

ства. Эту жизнь мы можем видѣть во всѣхъ отдѣлахъ умственной дѣятельности—и въ исторіи, философіи и въ естествознаніи. Да и само человѣчество, независимо отъ своего развитія, съ христіанствомъ приобрѣло, такъ сказать, идею жизни для себя. Трудно понять, какую идею человѣчество развивало до Христа. Оно представляетъ отрывочныя явленія: — все въ немъ борется, уничтожается и въ заключеніе ничего нѣтъ. Но со временъ Христа человѣчество предноситъ въ себѣ и предъ собою идею, хоть вначалѣ не ясную, неразвитую, но такую, присутствіе которой неоспоримо. Эта идея служить основнымъ началомъ жизни человѣчества. Эта идея незамѣтнымъ образомъ связываетъ всѣ по видимому отрывочныя стороны человѣчества, она всѣ ихъ старается соединить въ одно цѣлое: это — одна струя, которая протекла въ человѣчество изъ той жизни, которую Христосъ принесъ на землю въ Своемъ Лицѣ, и эта струя показываетъ, какъ неисчерпаемъ былъ источникъ ея во Христѣ.

Не можемъ не видѣть и другой струи, которая протекаетъ чрезъ все человѣчество и не ограничивается ни мѣстомъ, ни временемъ:—это жизнь чувства, которая выразилась въ Христѣ въ безграничной любви. Нечего говорить о томъ, — какъ эта любовь мало была извѣстна до-христіанскому міру и стало быть ею мы обязаны только Христу. И это начало, которое въ первые вѣка христіанства было особенно живо, какъ поворожденное, впоследствии заглохло и подавлено въ человѣчествѣ; но что она, любовь, живуча въ человѣчествѣ, видно изъ слѣдующаго: когда люди при свѣтѣ просвѣщенія стали углубляться въ христіанство, то замѣтили, что эта-то струя и есть въ христіанствѣ основная сторона. Враждебныя христіанству силы, не смотря на борьбу, не отвергаютъ этого кореннаго начала жизни христіанства.

Еще струя — это начало свободы — простой, духовной. — свободы не отъ внѣшнихъ узъ, но внутренней, основанной на достоинствѣ человѣка, возрожденнаго въ христіанствѣ. И только тогда она есть у человѣка, когда онъ живетъ согласно

съ основнымъ началомъ христіанства. Истина сдѣлалась первоосновнымъ камнемъ въ пересозданіи человѣчества, любовь—связующимъ элементомъ. До какой степени понятіе о свободѣ легло началомъ жизненнымъ и животворнымъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія христіанскихъ народовъ. Ничему другому, какъ ученію Іисуса Христа обязаны народы своей идеею о свободѣ, которая въ настоящее время болѣе и болѣе входитъ въ сознаніе государствъ. А что чувство свободы имѣть и должно имѣть мощное вліяніе на жизнь человѣчества,—само собою понятно.

Эти главныя струи жизни, протекшія въ человѣчество изъ жизни Христовой, служатъ въ свою очередь источниками другихъ токовъ, которые разливаются въ человѣчествѣ болѣе и болѣе и которые современемъ должны обхватить его и совершить его полное обновленіе. Конечно, какъ это не могло совершиться въ теченіе двухъ тысячелѣтій, такъ, можетъ быть, пройдутъ еще многіе вѣка, но эти жизненные идеи осуществляются. Такъ велика была возрождающая сила въ Христѣ! Такая духовная жизнь Спасителя не могла не отразиться и во внѣшней Его жизни, и мы не можемъ не придти къ заключенію, что такая жизнь не можетъ не возвысить человѣка и въ самой Его жизни физической. Человѣчество и въ физическомъ отношеніи не можетъ остаться въ своемъ прежнемъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, осматривая эти второстепенные токи, мы не можемъ не придти къ мысли: не можетъ быть, чтобы человѣчество, возвышенное до такой степени духовно, осталось навсегда въ томъ стѣсненномъ положеніи, которое опредѣляется для него естественнымъ или физическимъ ходомъ вещей. И дѣйствительно, эта жизнь, которую далъ Ему Отецъ, до того дойдетъ, что и мертвые воскреснутъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ безгранично развивающійся духъ жизни въ человѣчествѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, не можетъ не возвыситься надъ физическими условіями; онъ, какъ скоро проникнетъ въ человѣчество вполне, не можетъ не подчинить себѣ и законовъ смерти. Нельзя думать, что

это случится только въ отдѣльныхъ явленіяхъ, какъ это было многократно при жизни Іисуса Христа; эти частные случаи воскрешенія мертвыхъ должны были только служить доказательствами присутствія во Христѣ всеживотворящей силы. Воскрешенные Имъ опять умерли, — это знакъ, что для нескончаемой жизни потребно благоприятное воздѣйствованіе и со стороны міра физическаго, — чтобы въ самой природѣ не было мѣста для смерти; — а для этого должна наступить особая эпоха, которую Христосъ относитъ къ концу міра. Но что это за эпоха? Объ этомъ скажемъ въ другой разъ.

Продолжая разсматривать рѣчь, которую велъ Христосъ съ іудеями, находимъ, что «жизнь въ самомъ Себѣ» Онъ соединяетъ съ особеннымъ фактомъ, который Онъ выражаетъ словомъ «судъ»: — *Отецъ не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови* (Іоанн. V, 22). Это сопоставленіе понятій указываетъ на то, что судъ до пришествія Христа былъ судъ смерти: «смертію умрете», было сказано; а Спаситель хочетъ сказать, что Его судъ будетъ судомъ не смерти, а жизни.

III.

Мы въ прошлый разъ остановились на томъ, какъ Іисусъ Христосъ приписываетъ Себѣ право суда надъ цѣлымъ человечествомъ, — право, которое простирается не только на настоящую участь человѣка, но и на самую отдаленную его будущность, на цѣлую вѣчность, — и даетъ такой видъ, что отсѣлъ Отецъ не судитъ никого, но весь судъ отдалъ Сыну.

Почему и на какомъ основаніи это право утверждаетъ за Собою Іисусъ Христосъ? Основаніе этому праву Онъ выражаетъ самымъ необыкновеннымъ образомъ. — Отецъ, говоритъ Онъ, отдалъ весь судъ Свой Сыну потому, что Онъ *Сынъ чelовѣческій*; не говоритъ, что Онъ Сынъ Божій, а *Сынъ чelовѣческій*! Такое необыкновенное сочетаніе понятій требуетъ особеннаго объясненія и надобно замѣтить, что здѣсь выра-

жается одна изъ глубочайшихъ истинъ евангелія. Судъ прежде всего предполагаетъ законъ, опредѣляющій, что должно дѣлать и чего нельзя дѣлать, и приложеніе этого закона къ дѣятельности, что на языкѣ человѣческомъ называется «правдой». Понятіе о судѣ и правдѣ весьма важно для человѣка, потому что отъ нихъ зависитъ не только жизнь внутренняя и внѣшняя, но и понятія человѣка о самомъ добрѣ и злѣ. Конечно, человѣкъ, какъ существо разумное и нравственное, долженъ былъ бы самъ изъ себя развить эти понятія; потому что въ себѣ самомъ онъ носитъ эти начала суда и правды,— онъ изъ себя долженъ былъ бы развить и понятія о судѣ и правдѣ и способы приложенія этихъ понятій къ жизни. По настоящему оно такъ и есть. Мы видимъ изъ исторіи человечества, какъ оно постепенно развиваетъ изъ себя эти понятія и само опредѣляетъ судъ надъ собой. Въ этомъ—весь смыслъ исторіи. И конечно, будущія племена чѣмъ болѣе будутъ развивать эти понятія, тѣмъ болѣе будутъ устанавливать судъ надъ собой и тѣмъ болѣе будетъ развиваться самостоятельность нравственной жизни; но такое самовоспитаніе человечества не можетъ не быть продолжительнымъ и требуются цѣлыя тысячелѣтія, чтобы дойти до совершеннаго, неизмѣннаго понятія о добрѣ и злѣ, и составить правильное понятіе о судѣ. Съ другой стороны, несмотря на саморазвиваемость суда, человѣкъ все-таки не можетъ обойтись безъ внѣшняго руководства, которое или давалось бы извнѣ, или помогало бы развитію понятій изъ самого себя. И въ исторіи человечества мы видимъ, что законъ и судъ даются отвнѣ: само собой разумѣется, что этотъ судъ или эта правда, опредѣляющая понятія о добрѣ и злѣ и прилагающая ихъ къ жизни и дѣятельности, не могли ни откуда выдти, какъ изъ того же источника, изъ котораго возникла и вся жизнь. Но въ Верховномъ Существомъ человѣкъ видѣлъ идеалъ, по которому долженъ былъ составить самое понятіе о судѣ и правдѣ. Такъ мы видимъ это и въ исторіи... Это безконечное существо, идеалъ всякаго совершенства, не можетъ ничего иного требо-

вать отъ человѣка, какъ такого совершенства, которое было бы отображеніемъ его совершенствъ; этотъ идеаль не могъ выразиться иначе, какъ требованіемъ, чтобы человѣкъ былъ достоинъ этого совершенства: *святѣ будите, якоже Азъ святъ есмь* (1 Петр. I, 16); этотъ идеаль долженъ требовать не меньше, сколько въ себѣ заключаетъ, а въ немъ заключается безконечное совершенство. Но понятно, такому идеалу, такому требованію не можетъ въ скоромъ времени соотвѣтствовать дѣйствительное положеніе человѣка. Не говоря уже о естественныхъ несовершенствахъ человѣка, которыя могли устраняться и сглаживаться только постепенно—во времени, не говоря уже объ этомъ, даже понятіе о свободѣ человѣка должно было перѣдко приходить къ полному затемненію. Вслѣдствіе этого необходимо должно было обнаружиться разнорѣчіе между высшею правдою и жизнію, и это разнорѣчіе поражаетъ насъ въ жизни человѣчества на каждомъ шагѣ; мы не можемъ не поражаться этимъ разнорѣчіемъ, мы не можемъ даже не спрашивать: зачѣмъ дается такой законъ, который не выполнимъ? Но, говорю,—это необходимо; почему? — потому, что источникъ, изъ котораго законъ происходитъ, не можетъ дать другаго закона, который не соотвѣтствуетъ его достоинству, онъ не можетъ допустить, чтобы человѣкъ дѣлалъ что нибудь недостойное его. Съ другой стороны можно сказать,—внѣшній законъ долженъ быть не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ внутренняго закона; слѣдовательно внѣшній законъ долженъ отражать этотъ внутренній законъ, содѣйствовать тому, чтобы этотъ послѣдній болѣе и болѣе приходилъ въ сознаніе. Такимъ образомъ мы видимъ, что этотъ законъ не смотря на то, что происходитъ изъ верховнаго источника, оканчивался для человѣка смертію: *смертію умрете*, сказано было ему въ самомъ началѣ, и — *смертію умрете* — постоянно повторялось впослѣдствіи. И это необходимо и неизбѣжно потому съ одной стороны, что человѣкъ недостаточно утвердился для того, чтобы могъ выполнить этотъ законъ, а съ другой—вслѣдствіе неизбѣжнаго разнорѣчія между жизнію

и идеаломъ, откуда ничего не можетъ выйти, кромѣ унадка жизни чрезъ смерть. Такимъ образомъ естественно, что законъ угрожалъ человѣку смертію на каждомъ шагу. И мы видимъ, что правда, которая дѣйствовала на основаніи этого закона, выражалась ничѣмъ другимъ, какъ смертію: то цѣлое человѣчество истребляется потопомъ, то цѣлые народы исчезаютъ, то цѣлые города сожигаются; наконецъ этотъ законъ до того сталъ усиливаться и дѣйствовать неотразимо, что человѣкъ самъ шолъ на встрѣчу этой судьбѣ. Словомъ сказать, въ цѣлой судьбѣ человѣчества ничего не видимъ, кромѣ смерти. Смерть идетъ по всеѣмъ отраслямъ жизни. Посмотримъ на искусство, на философію, науку,—все это поражается какимъ-то отсутствіемъ жизни,—того, что оживляло бы человѣчество; печать смерти лежитъ на всемъ. По естественному порядку такой ходъ исторіи человѣчества не могъ кончиться ничѣмъ другимъ, какъ всеобщей и окончательной смертію всего человѣчества; однакожъ этого не должно было быть, потому что законъ жизни все-таки оставался во глубинѣ человѣка и такъ крѣпко и твердо, что, не смотря ни на что, эти частные случаи смерти не могли истребить въ немъ этого закона жизни: начало жизни оставалось въ немъ неизмѣнно. Такъ оно и должно быть, потому что человѣчество произошло изъ начала жизни, которое не имѣетъ начала, не имѣетъ и конца. Слѣдовательно для дальнѣйшаго развитія жизни человѣчества нужно было опредѣлить судъ и правду на другихъ началахъ, чтобы не было разнорѣчія, чтобы человѣчество не находилось въ вѣчной борьбѣ между жизнью и смертію. Это новое начало жизни, эти—«судъ» и «правда»—должны были произойти нѣкоторымъ образомъ изъ другаго источника или изъ того же, но другимъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если этотъ внѣшній законъ и судъ будемъ разсматривать не въ его источникѣ, а въ содержаніи, въ самомъ существѣ его, то не можемъ не замѣтить слѣдующей особенности: этотъ внѣшній законъ состоитъ изъ разнаго рода предписаній нравственныхъ, правилъ и требованій; эти требованія облечены въ различ-

ныя формы, но содержаніе ихъ имѣть характеръ какой-то матеріальности. Такъ оно и должно быть, потому что этотъ законъ и эта правда шли извнѣ, а не изнутри; этимъ объясняется и то, что этотъ внѣшній законъ, простираясь на внѣшнюю жизнь, простирался и на внутреннюю, но не достигалъ до глубины человѣческаго духа. Вотъ если бы этотъ законъ могъ воздѣйствовать, проникнуть въ самую глубину духа, тогда вышло бы совершенно другое. И, странно, этотъ законъ, опредѣлявшій главнымъ образомъ внѣшнія стороны человѣка, какъ будто вовсе не хотѣлъ касаться его духовной стороны, какъ будто не прозрѣвалъ сущности, не предполагалъ, что человѣкъ, нарушающій правила, можетъ быть гораздо лучше въ духѣ своемъ. Но для того, чтобы такая правда была основана, для этого нужно было, чтобы она шла инымъ путемъ, возникла изъ самой среды человѣчества, чтобы, заключая въ себѣ высшія нравственныя требованія, она очень хорошо знала, что такое духъ человѣческій и что такое его внутренняя жизнь. А для этого правда должна была возникнуть изъ среды жизни человѣка. И вотъ объясненіе на то, что говорить Іисусъ Христосъ: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови*, потому что Онъ — *Сынъ человѣческій*, и *власть даде Ему и судъ творити, яко Сынъ человекъ есть* (Іоан. V, 27). Мысль такая. Отецъ какъ бы говорить Сыну: «Мой судъ и Моя правда тяжелы для человѣка, Мой судъ не ведетъ къ добру, — онъ не выполнимъ для человѣка, Моя правда не можетъ имѣть иного послѣдствія, какъ только смерть его; но такъ какъ Ты принимаешь на Себя жизнь человѣческую, можешь войти во внутреннюю жизнь человѣка и отразить ее въ Себѣ, то вслѣдствіе этого я предоставляю Тебѣ и судъ надъ человѣкомъ; суди его не со стороны высшей правды, а соотвѣтственно его потребностямъ и нуждамъ».

Вотъ гдѣ вся глубина и вся великость идеи всемірнаго искупленія. Если мы будемъ смотрѣть на это съ указанной нами сейчасъ точки зрѣнія, то поймемъ, что правда и судъ не могутъ ограничиться одною внѣшнею стороною человѣка,

т. е. судъ не можетъ быть совершенъ тогда, когда онъ разсматриваетъ одинъ внѣшній фактъ жизни человѣка, потому что за этимъ фактомъ всегда стоитъ самъ человѣкъ. Истинный судъ будетъ тотъ, который судить не фактъ взятый отдѣльно, но и самую личность; истинный судъ не тотъ, который знаетъ прилагать судъ къ факту, но тотъ, который знаетъ сколько законъ съ одной стороны, столько же съ другой стороны сердце человѣческое. Въ сердцѣ человѣческомъ есть такіе факты, которые могутъ оправдывать человѣка, не смотря на его дурные внѣшніе факты, и на оборотъ. Что въ этомъ случаѣ мы не ошибаемся о судѣ, который Іисусъ Христосъ приписываетъ Себѣ надъ человѣкомъ, мы видимъ изъ исторіи самого Христа:—какимъ образомъ этотъ Судья, видя предъ Собою явную преступницу, взятую на мѣстѣ преступленія, видя все, заставляющее приложить къ ней всю силу закона, — какимъ образомъ этотъ судья въ тоже время и не оправдываетъ преступницу, и извиняетъ и прощаетъ ее? Не такъ фарисеи; они съ своей точки зрѣнія ничего не видѣли здѣсь, какъ только одинъ внѣшній фактъ, они осудили ее на побіеніе камнями и они были съ своей стороны справедливы. Истинный судья не тотъ, кто судить фактъ, а тотъ, кто знаетъ сердце человѣческое. Іисусъ Христосъ постигалъ человѣка; человѣкъ, не смотря на непривлекательныя свои внѣшнія стороны, по внутренней жизни можетъ быть очень высокъ; при томъ фактъ внѣшній никоимъ образомъ не можетъ выражать цѣлаго человѣка; человѣкъ внутри себя можетъ быть выше собственныхъ своихъ поступковъ, природа его души всегда будетъ превосходить размѣры внѣшнихъ фактовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что Іисусъ Христосъ право суда соединяетъ въ Себѣ съ тою полнотою жизни, которую Онъ приписалъ Себѣ, по которой Его судъ является не судомъ смерти, а судомъ жизни: Отецъ не судить никого, но Свой судъ весь отдалъ Сыну. *И слушаѣй словесе Моею, говоритъ Спаситель, и вѣруѣй Пославшему Мя, имать животъ вѣчный* (Іоан. V, 24). Это значить, что та полнота жизни, которую носить въ Себѣ

Исусъ Христосъ, изъ Него переходить въ жизнь человѣчества и приносить съ собой ту живительную и животворную силу, которая возвышаетъ духъ человѣка до такой степени, что онъ получаетъ возможность стать выше всѣхъ условій, которыя влекутъ его къ злу; это значитъ, что внутренняя духовная жизнь Исуса Христа можетъ и должна развиваться до такой степени въ человѣчествѣ, что дастъ послѣднему силы стремиться къ добру и содѣлаетъ его господиномъ надъ самимъ собой,—и какъ прежде всякое нарушеніе закона вело неизбѣжно къ смерти, такъ теперь случайное нарушеніе закона можетъ привести къ жизни: *и на судъ не придетъ, но преидетъ отъ смерти въ животъ.*

IV.

Когда Исусъ Христосъ въ назаретской синагогѣ раскрылъ книгу пророка Исаи, то прочиталъ: *Духъ Господень на Мнѣ: Его же ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцемъ: проповѣдати плѣннымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе: отпустить сокрушенныя въ отраду: проповѣдати лѣто Господне пріятно* (Лук. IV, 18 и 19). Это мѣсто изъ евангелія можетъ служить самой лучшей характеристикой Его собственной Личности и Его миссіи. Онъ является другомъ и благодѣтелемъ человѣчества. Мѣсто изъ пророка Исаи, случайно или неслучайно открывшееся, изображаетъ страданія человѣчества, и такъ какъ эти страданія лежатъ въ основѣ всей жизни человѣчества, то можно представить, до какой степени широка и глубока душа этого Лица, готовая обнять всѣ стороны страданій человѣчества,—какая у Него сила духа, чтобы посвятить себя дѣлу—служить человѣчеству, я какое самоотверженіе, чтобы не подавляться всею тяжестью этихъ человѣческихъ немощей. Надобно еще вспомнить—какой взглядъ господствовалъ въ тѣ времена на разныя страданія человѣка, чтобы понять необычайность миссіи; извѣстно, что тогда вся-

кое страданіе было знакомъ отверженія человѣка, возбуждала презрѣніе къ страждущему.

За сѣмъ самъ собою представляется вопросъ: какимъ образомъ Іисусъ Христосъ хочетъ избавить человѣчество отъ страданій? Само собою понятно, что это избавленіе нужно понимать не какъ внѣшнее избавленіе отъ внѣшнихъ скорбей,—такое избавленіе было бы избавленіемъ не отъ всѣхъ скорбей. Нельзя представить жизни человѣчества ни въ какое время, когда бы она была свободна отъ всяческихъ скорбей; никакая наука до сихъ поръ еще не нашла способа для того, чтобы избавить человѣчество отъ его страданій; они—своего рода законъ, который лежитъ въ глубинѣ природы человѣческой. Слѣдовательно, когда Іисусъ Христосъ изображаетъ свою миссію такъ, что Онъ пришолъ освободить человѣчество отъ его страданій, это заставляетъ насъ отыскать другую точку зрѣнія на этотъ предметъ. Въ самомъ выраженіи пророка Исаи: *посла Мя исцѣлѣти сокрушенныя сердцемъ*, показывается, что здѣсь должно разумѣть не одно внѣшнее освобожденіе отъ внѣшнихъ страданій, а основной законъ, лежащій въ глубинѣ человѣческой жизни. Эта мысль наводитъ на особенныя стороны предмета, которыя имѣлъ въ виду Христосъ. И мы видимъ, когда Онъ осуществлялъ свою миссію,—миссію избавленія отъ страданій, то никогда не ограничивался одними внѣшними сторонами, но всегда при этомъ соединялъ и внутреннія стороны. Словомъ сказать, здѣсь идетъ рѣчь о страданіяхъ человѣчества преимущественно моральныхъ. Если даже будемъ смотрѣть на страданія, какъ на обстоятельства, касающіяся какбы одной внѣшности, то увидимъ, что и въ этомъ случаѣ они имѣютъ моральный характеръ уже потому, что всегда страдаетъ нравственное существо, которое не можетъ страдать внѣшне, не страдая внутренне, и самый опытъ свидѣтельствуетъ, что страданія отъ внѣшнихъ болѣзней всегда соединяются болѣе или менѣе съ моральными причинами, такъ что эти причины предполагаются страданіями; нравственные поврежденія приводятъ че-

ловѣка къ внѣшнимъ несчастіямъ—нищетѣ напр., а нищета къ такимъ дѣйствіямъ нравственнымъ же, которыя несообразны съ достоинствомъ человѣка. Во внѣшнихъ страданіяхъ всегда есть сила, отъ которой главнымъ образомъ зависитъ ихъ тяжесть. Эта сила — сила моральная, это — то глубокое чувство, по которому человѣкъ сознаетъ себя какъ будто несправедливо страдающимъ, которое тяготитъ его и заставляетъ признавать, что внѣшнія страданія дѣйствуютъ неотразимо на его внутреннюю моральную сторону, которое убиваетъ въ немъ духъ, отнимаетъ самодѣятельность: эта-то моральная сила внутреннихъ страданій человѣчества придаетъ особенную тяжесть его внѣшнимъ страданіямъ; это—ядъ, сокрытый во всѣхъ внѣшнихъ страданіяхъ. То или другое внѣшнее страданіе еще можно было бы перенести благодушно, но эта внутренняя сила и малыя страданія дѣлаютъ невыносимыми. Къ этому нужно прибавить и то, что эти неизбѣжныя условія жизни человѣческой—страданія всегда какъ будто унижаютъ человѣка въ глазахъ другихъ людей, справедливъ или несправедливъ этотъ взглядъ самъ по себѣ — это другой вопросъ. Но несомнѣнно то, что такое понятіе существуетъ, человѣкъ чѣмъ больше подавленъ несчастіями, тѣмъ больше въ своихъ глазахъ и въ глазахъ другихъ теряетъ свое достоинство. Вотъ эта-то моральная основа страданій человѣчества, этотъ-то ихъ внутренній характеръ, эта-то внутренняя сила ихъ и составляетъ предметъ миссіи Спасителя.

Какимъ образомъ, спрашивается, при такихъ условіяхъ могло быть освобождено человѣчество? Ясно, что при этихъ условіяхъ человѣкъ могъ освободиться отъ своихъ несчастій въ жизни не иначе, какъ если будетъ отнять этотъ нравственный характеръ отъ его страданій, если будетъ подавлена эта внутренняя сила, словомъ сказать, когда онъ удалитъ отъ себя эту нравственную почву, на которой возрастаютъ бѣдствія человѣка. Ясно, никакой человѣческій умъ разрѣшить этой задачи не могъ и не можетъ. Этотъ вопросъ

можно рѣшить только перестроивши всю жизнь человѣка, преобразовавши, такъ сказать, человѣка; надобно, чтобы человѣкъ нравственною силою сталъ выше этихъ условій жизни; въ такомъ только случаѣ они дѣйствительно могутъ потерять всю ядовитую свою силу и свои жестокия для него послѣдствія. Далѣе нужно признать, во первыхъ, что при такихъ условіяхъ человѣческой жизни, надъ послѣднею тяготѣтъ какой-то законъ, который требуетъ, чтобы жизнь человѣка не иначе шла, какъ подъ такими условіями, т. е. что это законъ какой-то правды, которая требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ страдалъ, потому что условія, подъ которыми онъ живетъ, заставляютъ его страдать и не страдать онъ не можетъ. Во вторыхъ, нужны такія моральныя силы, которыя бы возвышали его надъ внѣшними условіями; но для этого не нужно перестраивать жизни человѣка по той причинѣ, что перестроить такъ нельзя. Слѣдовательно, если является лицо, которое хочетъ помочь въ этомъ отношеніи человѣчеству и помочь дѣятельнымъ образомъ, это лицо должно выполнить вышеизложенныя условія; оно должно отнять силу отъ тяготящаго надъ человѣкомъ закона, усилить нравственную силу, поставляющую человѣка выше этихъ условій, — однимъ словомъ должно вдохнуть въ человѣка новую жизнь. Опять-таки надобно сказать, напрасно мы стали бы отыскивать такое лицо среди людей. Но вотъ ~~мы~~ видимъ, является лицо и беретъ на себя рѣшеніе этой задачи такъ: оно съ одной стороны хочетъ удовлетворить правдѣ, съ другой сообщить человѣчеству новую жизнь—*проповѣдати ѿ Господне пріятно*. Само собою понятно, что Спасителю не иначе можно было удовлетворить этой правдѣ, какъ подъ условіемъ, если Онъ самъ въ Своей личности будетъ выше этого закона, — это высказалъ самъ Спаситель, когда по приведеніи мѣста изъ пророка Исаіи замѣтилъ: *всяко речете ми притчу сію: врачу, исцѣлися самъ* (—23). Естественнo было людямъ того времени сказать: «какъ ты можешь избавить человѣчество, когда самъ человѣкъ; не лучше ли тебѣ подумать о себѣ,

чѣмъ брать на себя такое дѣло»? Однакожъ, избавленіе человечества, совершонное Иисусомъ Христомъ, было возможно, потому что лично Онъ былъ выше этихъ условій, самъ лично Онъ не подлежалъ суду этой правды; Онъ, удовлетворяя ей, самъ принялъ на Себя страданія, на Свою душу принялъ всю тяжесть всевозможныхъ страданій человечества; Его страданія были только внѣшнимъ выраженіемъ тѣхъ страданій, какими внутренне страдалъ Онъ за человечество.

Другое условіе для избавленія человечества, это — чтобы была вдохнута новая жизнь. Это Иисусъ Христосъ выполнялъ тѣмъ, что дѣйствительно Своимъ ученіемъ и полнотою жизни, которую носилъ въ Себѣ самомъ, провелъ въ человечество струю этой новой жизни. Это высказалось въ томъ, что христіанство дало человѣку такіа моральныя силы, которыя ставятъ его выше всѣхъ внѣшнихъ условій, — тогда какъ до христіанства это было невозможно и немислимо. Въ христіанствѣ слѣдующій фактъ общеизвѣстенъ: человѣкъ страдаетъ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, но силой духа своего онъ стоитъ выше собственныхъ страданій. И въ этомъ отношеніи человечество чрезъ Иисуса Христа получило дѣйствительную свободу, какъ Онъ прямо выразилъ это, когда сказалъ: *посла Мя отпустить сокрушенныя въ отраду*; надобно разумѣть здѣсь ту высшую моральную свободу, которую ничто не можетъ стѣснить. Отсюда вытекаетъ и тотъ взглядъ на человечество, по которому внѣшнія страданія, — какъ бы они ни были велики, — нисколько не уничижаютъ его. Нищій прокармливается крупицами, падающими со стола богатаго; этотъ нищій нисколько не ниже богатаго. Равнымъ образомъ и другой страждущій человѣкъ, какія бы ни были его страданія, — заключенъ ли въ тюрьму, изгнанъ ли, осужденъ ли судомъ какъ бы по справедливости, — эти страданія не уничтожаютъ въ немъ человѣческаго достоинства. И очень можетъ быть, человѣкъ, презираемый въ средѣ людей, по силѣ нравственной можетъ быть выше тѣхъ, которые презираютъ его. Такимъ образомъ миссія Иисуса Христа, выражаемая въ томъ,

что Онъ пришолъ проповѣдати *льто Господне пріятно*, можно сказать, касается самаго важнаго вопроса въ жизни человѣчества, потому что это—вопросъ о достоинствѣ человѣка.

V.

Послѣ этой бесѣды съ народомъ въ синагогѣ, Іисусъ Христосъ отправился къ озеру Геннисаретскому, и здѣсь на берегу его призвалъ къ Себѣ двухъ апостоловъ, потомъ еще двухъ изъ мытарей (Лук. V, 1 — 11; Марк. I, 16—20). Въ этомъ событіи обращаетъ наше вниманіе прежде всего то, что первые послѣдователи Спасителя, ученики Его, были избраны изъ самаго простаго званія, изъ людей, нравственная жизнь которыхъ была чужда всего искусственнаго. Очень понятно, что самая простота нравовъ, свойственная этого рода жизни, имѣла много привлекательнаго для Іисуса Христа. Въ избраніи Іисусомъ Христомъ учениковъ изъ такой среды можно находить черты, глубоко характеризующія Личность самого Спасителя. Нельзя думать, чтобы ученики Іисуса Христа, эти простые души, были единственнымъ убѣжищемъ для христіанства; нельзя думать, чтобы религія христіанская не была доступна людямъ образованнымъ; нельзя думать, будто религія христіанская свойственна только неразвитымъ. Правда, есть въ христіанской религіи стороны, которыя болѣе родственны простымъ людямъ; но здѣсь, въ избраніи Іисусомъ Христомъ учениковъ изъ простаго народа, видится другая болѣе широкая причина: исторія показываетъ, что перевороты совершаются посредствомъ простыхъ силъ; какіе бы ни были эти перевороты — гражданскіе, религіозные, или нравственные, всѣ они болѣею частію совершаются простыми людьми. Цари совершаютъ перевороты, но при этомъ дѣйствуютъ все-таки люди простые. Причину такого явленія отыскать не трудно. Для дѣла великаго, глубоко проникающаго въ жизнь человѣческую, для такого дѣла силы не свѣжія, испорченныя, жизнь искусственная или закоренѣлая въ своихъ застарѣлыхъ понятіяхъ и нравахъ,—такая

жизнь и такія силы не годятся для него; чѣмъ тяжелѣе работа, тѣмъ должны быть свѣжѣе и крѣпче силы. Такимъ образомъ и переворотъ, который Христосъ пришолъ совершить, долженъ былъ совершиться посредствомъ свѣжихъ силъ. И чѣмъ этотъ переворотъ шире, тѣмъ проще и крѣпче должны были быть и избранныя Имъ силы. Такимъ образомъ легко можемъ представить слѣдующее: такихъ силъ Христу нельзя было отыскать среди образованнаго народа, или на вершинахъ жизни гражданской. Въ высшихъ слояхъ общества, современнаго Христу, напрасно были бы поиски за жизнью, полною такихъ силъ; тамъ порча простиралась на все. Если гдѣ жизнь была неиспорчена, то это въ низшихъ слояхъ общества. Потомъ, если будемъ разсматривать самое существо христіанства и тотъ переворотъ, который оно должно было произвести, то увидимъ, что дѣятелями должны были быть люди простые. Здѣсь первое, что представляется, это—глубина ученія. Казалось бы, чѣмъ шире и глубже ученіе, тѣмъ умъ для воспріятія его долженъ быть развитѣе. Но это въ обыкновенныхъ вещахъ. Здѣсь же умъ развитый не могъ воспринять собственно ничего въ первую пору, здѣсь умъ только боролся бы съ христіанствомъ. Мы знаемъ, что въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, умы образованные вели упорную противъ христіанства войну. — Почему же простые умы требовались самымъ существомъ ученія христіанскаго? Потому, что это ученіе отъ тѣхъ, которые хотятъ принять его, требуетъ отъ начала до конца вѣры. Вотъ то начало, котораго не могутъ усвоить умы развитые, а умъ простой легко можетъ воспріять его, ибо онъ не имѣетъ на столько способовъ и средствъ, чтобы бороться съ христіанствомъ. Начало вѣры сродно самымъ простымъ воззрѣніямъ самыхъ простыхъ умовъ. Такъ было не только въ началѣ христіанства, но и въ теченіе всего времени, пока существуетъ христіанство.

Во вторыхъ, что далѣе здѣсь представляется, это—правственная сторона христіанства. Христіанство включаетъ въ себѣ такія добродѣтели, какъ смиреніе, кротость, любовь,

самоотверженіе и др. Это такая сторона, которая уму развитому не можетъ быть такъ доступна, какъ уму простому. Образованіе всегда предполагаетъ въ человѣкѣ самоуваженіе и самолюбіе, — а это такія понятія, которыя не легко подчиняются религіознымъ понятіямъ и требованіямъ. Въ низшемъ сословіи въ силу его малыхъ преимуществъ христіанство могло найти удобную почву для себя. Исторія христіанства подтверждаетъ это. Существо христіанства состоитъ въ поклоненіи Богу духомъ и истиною. И это доступно только сердцу простому, только простое сердце можетъ возноситься до той высоты, какой требуетъ христіанство. Напротивъ духъ искусственно развитый не такъ легко можетъ возноситься, — онъ легче и скорѣе обращается къ себѣ самому и ищетъ въ своихъ средствахъ и способахъ рѣшенія вопросовъ жизни. Къ этому нужно прибавить, что христіанская религія по самому своему направленію такова, что ее можно назвать религіею людей бѣдныхъ, незнатныхъ, несчастныхъ, униженныхъ, вообще такихъ людей, которые далеки не только отъ искусственныхъ преимуществъ, но и далекі отъ обыкновенныхъ утѣшеній жизни. Не то это значить, что направленіе христіанства исключительное, но самый духъ его таковъ, таковъ внутренній его характеръ, какъ и Самъ Спаситель изобразилъ это, когда представилъ Себя посланнымъ для всѣхъ несчастныхъ въ мірѣ. Мы можемъ вывести теперь и тѣ послѣдствія, которыя отсюда сами собой вытекаютъ, — именно можемъ представить, какъ христіанство обращаясь къ этимъ низшимъ слоямъ общества, къ этимъ простымъ душамъ, этимъ самымъ обращеніемъ поставляло свои общественные на такую высокую степень, на какую никакой умъ, никакой законъ не могъ поставить ихъ. Это было *нравственное возвышеніе* человѣчества. Призваніемъ простыхъ людей къ распространенію христіанства, можно сказать, непосредственно рѣшался вопросъ о жизни общественной. Иисусъ Христосъ этимъ показываетъ, что и простой народъ въ жизни человѣчества долженъ имѣть обширныя права на жизнь нравственную; Онъ показалъ также, что народъ простой можетъ выходить и на

общественную дѣятельность. Можно при этомъ только удивляться, какимъ образомъ эти вопросы, рѣшонные на первыхъ страницахъ Евангелія, стали принадлежностію только нашего времени? Причина этому простая—люди предшествовавшаго времени не озаботились изученіемъ этихъ страницъ Евангелія. Эти страницы постигались только церковію, она съ первыхъ поръ взяла подъ свое покровительство народъ, но потомъ самимъ же народомъ все это было забыто, заброшено и подавлено... Христосъ къ проповѣданію Своего высочайшаго ученія призвалъ простыхъ рыбаковъ. Съ этой стороны разсуждая объ основныхъ чертахъ христіанства, мы можемъ придти къ тому заключенію, что народная масса составляетъ первую его почву, а отсюда всегда составляла и будетъ составлять всю его силу. И мы видимъ, что масса народная своею нравственною, духовною силою рѣшала самыя важныя вопросы христіанства. Такъ на первыхъ порахъ, когда церковь была въ бѣдствующемъ положеніи, сила, поддерживающая ее, приходила отъ народа. На вселенскихъ соборахъ находились представители вѣрующаго народа. Знаемъ также, что и при раздѣленіи церковей одинъ народъ противостоялъ кознямъ папъ и рѣшалъ тогдашніе вопросы. Такъ, переходя къ нашему времени, когда религія христіанская со всѣхъ сторонъ подвергается всевозможнымъ нападеніямъ, видимъ, что всѣ эти нападенія со стороны ли науки, или образованнаго общества, ничего не значатъ предъ народной массой; народъ составляетъ неодолимую силу христіанства. И даже нельзя не улыбнуться, когда видишь, что умъ образованный оказывается на столько наивенъ, что иногда одною кнѣгою хочетъ уничтожить христіанство. Если бы даже всѣ образованные умы сомкнулись въ одну нераздѣльную армію съ цѣлію идти на церковь, тогда съ другой стороны возстанутъ неисчислимыя арміи народа, и эти арміи уничтожатъ первую не оружіемъ науки и даже не физической силой, а побѣдятъ неотразимою нравственною силой. Эта сила въ массѣ во всякомъ случаѣ останется непобѣдимой. Можно предпо-

лагать и даже за вѣрное полагать, что вопросы христіанства, теперь разрабатыаемые наукою, не будутъ рѣшены ни ею, ни умами политическими, но за разрѣшеніемъ ихъ обратятся къ массѣ народной; народъ будетъ призванъ рѣшать эти вопросы, какъ онъ былъ призванъ рѣшать вопросы о раздѣленіи или соединеніи церквей.

Такимъ образомъ то, по видимому очень простое обстоятельство, что Іисусъ Христосъ набралъ Себѣ учениковъ изъ простыхъ людей, если хорошенько анализировать его, оказывается имѣющимъ громадное значеніе.

Указавъ, что Іисусъ Христосъ избралъ Своихъ учениковъ изъ среды самыхъ простыхъ людей, чтобы призвать на великое дѣло силы свѣжія, что эти простые силы пущы были не для начала только распространенія христіанства, но что, представляя собою массу, онѣ составляютъ внутреннюю нравственную силу христіанства, и что, какъ масса, онѣ противостояли всѣмъ враждебнымъ силамъ христіанства, мы подтвердимъ это исторіей христіанства. Такъ для принатія христіанства тогдашніе образованные народы, римляне, оказались несостоятельными и были призваны малоазійскіе народы, потомъ племена славянскія. Въ настоящее время, когда европейскіе народы, посредствомъ цивилизации, свои внутреннія силы болѣе и болѣе подвергаютъ порчѣ, призываются опять свѣжіе народы—въ Китаѣ, гдѣ уже много христіанъ.

VI.

Послѣ того, когда Христосъ избралъ въ Свои ученики рыбаковъ, на пути замѣтилъ мытаря и призвалъ его къ Себѣ однимъ словомъ (Матѣ. IX, 9—13; Марк. II, 13—17; Лук. V, 27—32). И когда новопризванный принялъ Христа въ свой домъ, весь домъ его былъ наполненъ мытарями. Извѣстно существовавшее въ то время понятіе о мытаряхъ, и понятіе по тому времени справедливое, почему фарисеи не упустили случая и на этотъ разъ упрекнуть Христа. На упреки ихъ

Иисусъ отвѣтилъ, что Онъ пришолъ исцѣлить не праведныхъ, а грѣшныхъ. Такимъ образомъ къ тѣмъ элементамъ, которые положены Имъ въ христіанствѣ, присоединяется новый элементъ: христіанство—это религія для грѣшниковъ, въ немъ призываются къ обновленію силы испорченныя: *не придѣтъ призвати праведныхъ, но грѣшныхъ въ покаяніе* (Лук. V, 32). Призваніе мытарей не было однимъ выѣшнимъ и случайнымъ фактомъ; въ этомъ фактѣ обнаруживалось, что религія христіанская заключается не въ одномъ догматическомъ ученіи, и не въ однихъ нравственныхъ правилахъ, а въ себѣ самой заключаетъ и моральную силу, которая дѣйствуетъ не только на непросвѣщенный умъ, но дѣйствуетъ и на испорченное сердце. Этой силой она и возрождаетъ. Разсматривая христіанство съ этой точки зрѣнія, находимъ въ немъ новую характеристическую черту, которая въ свою очередь характеризуетъ Личность самого Спасителя.

Обращаясь къ человѣку, религія проникаетъ до самой его глубины, и если находитъ въ немъ такія силы, къ которымъ можетъ привить свои элементы, человѣкъ является новымъ, возрожденнымъ. Безъ сомнѣнія, эта возрождающая сила христіанства сперва заключалась въ Личности Спасителя, наполняя Его, и изъ Него непосредственно дѣйствовала на другихъ. Потомъ эта возрождающая сила заключается въ самомъ существѣ христіанства. Факты обращенія людей къ христіанству подтверждаютъ эту истину. При этомъ все зависитъ отъ того, какъ люди будутъ пользоваться этою силою, на сколько окажутся достойными ея проводниками и какъ будутъ воспринимать ее. Въ чемъ состоитъ эта сила и какъ она проявляется? Этотъ вопросъ, по своей глубинѣ трудный для рѣшенія, рѣшили фарисеи и книжники, сами того не сознавая. Когда Иисусъ бесѣдовалъ съ мытарями, они сказали, — это другъ мытарей и грѣшниковъ — *яко съ мытари и грѣшники ястъ и пїетъ* (Марк. II, 16). Этимъ они рѣшили вопросъ. Христосъ есть дѣйствительно другъ грѣшниковъ, и въ глубинѣ христіанства лежитъ это начало, начало дружбы ко всѣмъ грѣшникамъ.

Органъ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ возрождающая сила, это—любовь, та любовь, которая была отличительною чертою Спасителя и которая составляетъ основу христіанства. Если бы мы стали анализировать любовь даже по однимъ психическимъ ея свойствамъ, не подводя подъ высшія начала христіанства, то нашли бы, что въ ней та сила, которая дѣйствуетъ на человѣка сильнѣе меча, потому что ея дѣйствія, всегда живительны, становятся неотразимыми, когда присоединяется къ ней элементъ христіанства. Сила любви въ самомъ отъявленномъ грѣшникѣ пробудитъ чувство человѣческаго достоинства. Когда требуютъ отъ грѣшника дѣла труднаго, для выполненія котораго у него не хватаетъ силъ, то отъ этого грѣшникъ дѣлается упрямѣе, потому что онъ видитъ здѣсь одно неосуществимое требованіе. Но когда обращаются къ нему не съ укоромъ, не съ требованіемъ, а съ одною любовію, то очень понятно, если любовь возбудитъ въ немъ чувство собственнаго достоинства и скрывающаяся въ немъ искра новой жизни воспламенится, и такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ преобразуется и станетъ новымъ человѣкомъ. Какъ въ Личности Христа Спасителя, такъ и въ цѣломъ христіанствѣ, мы видимъ это возвышенное и возвышающее начало человѣчности. Христосъ, когда обращается къ человѣку, прежде всего старается видѣть въ немъ человѣка, его внутреннюю сторону; и на почвѣ человѣчности, своимъ непосредственнымъ вліяніемъ, сѣетъ сѣмена новой, лучшей жизни. Отсюда неизбежный выводъ: въ жизни христіанства успѣхи могутъ совершаться и быть совершенны только въ томъ случаѣ, когда совпѣ бываютъ усиленные воздѣйствія на человѣка, и когда эти воздѣйствія ударяютъ на внутреннюю его сторону,—обращаются къ человѣчности. А отсюда новое заключеніе: Іисусъ показалъ намъ, что въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія, которое должно совершать въ мірѣ христіанство, возрождающая сила должна быть обращена не на выдающіяся лица, но на тѣ слои жизни, гдѣ воздѣйствія ея болѣе всего могутъ быть сильны,—это слои простаго народа. Разумѣется, если бы кто изъ со-

временниковъ Христа спросилъ Его:—къ кому удобнѣе обратиться такое высокое ученіе, какъ Его, для воспріятія котораго требуются характеры нравственные и возвышенные, какъ не къ лицамъ съ такимъ высокимъ характеромъ?—то Іисусъ, какъ показываютъ Его дѣйствія, отвѣтилъ бы отрицательно! Сила и высота христіанскаго ученія болѣе всѣхъ доступны простому народу. Поэтому, если христіанскій проповѣдникъ хочетъ проповѣдывать христіанство, и хочетъ, чтобы оно прочно утвердилось въ извѣстномъ народѣ, ему надобно обращаться съ проповѣдью не къ личностямъ какимъ нибудь отдѣльно стоящимъ отъ народа, а къ массѣ народной, и должно стараться утвердить сначала ту почву, которая должна воспринять въ себя и возрастить потомъ сѣмя евангельскаго ученія.

(Окончаніе будетъ).

О ЛИЦѢ ИСУСА ХРИСТА:

МЫСЛИ ПОКОЙНАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОАННА,

ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО,

бывшаго ректора и профессора догматики въ нашей академіи.

VII.

Послѣ избранія апостоловъ, Іисусъ Христосъ говорилъ нагорную бесѣду. Эту бесѣду правильнѣе назвать общечеловѣческою, потому что въ ней излагается общечеловѣческая нравственность. Содержаніе этой бесѣды извѣстно. Въ ней Іисусъ Христосъ даетъ понятіе о томъ, что должно называть добродѣтельною человѣка:—Онъ выражаетъ это въ формѣ *ублаженія* людей смиренныхъ, нищихъ духомъ, плачущихъ, кроткихъ, алчущихъ правды и гонимыхъ за правду, милостивыхъ, миръ творящихъ и съ чистымъ сердцемъ (Мтѣ. V, 1—13). Съ перваго раза уже видно, что эта мораль выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ человѣческихъ ученій; до Него никто не говорилъ объ *ублаженіи* людей смиренныхъ, униженныхъ обществомъ и гонимыхъ. Съ понятіемъ о добродѣтели *обладавшіе* въ то время высшимъ развитіемъ народы — греки и римляне представляли всегда поступокъ, который самъ по себѣ уже носилъ элементъ славы и доблести, какъ подтверждаютъ самыя названія у нихъ добродѣтели, — *ἀρετή* и *virtu* значать и добродѣтель и гражданская доблесть. Далѣе, не-

обыкновенность этой бесѣды содержится и въ томъ, что Иисусъ Христосъ, какъ видимъ, перечисляетъ виды добродѣтели не исключительно изъ жизни общественной, гражданской; у Него человѣкъ разсматривается не только какъ гражданское общество, или какъ принадлежность этого общества, напротивъ въ этой бесѣдѣ Христосъ обращается почти исключительно къ внутренней жизни человѣка, къ глубинѣ его духа. Здѣсь Онъ находитъ почву для укорененія и развитія христіанскихъ добродѣтелей. Мало этого, эту почву Онъ представляетъ не въ возвышенномъ, а униженномъ видѣ, и когда эту почву міръ нравственный переноситъ во внѣшній міръ, здѣсь Онъ не соединяетъ добродѣтели съ счастьемъ и славой, но указываетъ ее въ несчастномъ и страдальческомъ видѣ, такъ какъ здѣсь—въ мірѣ человѣкъ не самостоятельно и не свободно, не самъ собою развивается въ себѣ добродѣтель, а въ борьбѣ съ обстоятельствами и при непрерывномъ перенесеніи страданій. И такое ученіе Иисуса Христа о добродѣтели по своему характеру вполне соотвѣтствуетъ Его личному призванію, по которому Онъ пришелъ *исцѣлѣти сокрушенныя сердца, проповѣдати покаяніе и слѣпымъ прозрѣніе* (Лук. IV, 18), *исцѣлѣти всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ* (Мтѣ. IV, 23). Но какъ ни необыкновеннымъ можетъ казаться это ученіе, тѣмъ не менѣе внимательное разсмотрѣніе его должно показать, что въ основѣ такого ученія лежитъ чистая истина: моральная, свойственная человѣку, жизнь именно такова, и нельзя иначе представлять ее, какъ въ такомъ видѣ, въ какомъ Онъ представляетъ ее здѣсь. Иисусъ Христосъ обращается къ духу человѣка, въ немъ указываетъ корень добродѣтели; никакое опредѣленіе, сообщаемое совѣтъ, не укоренитъ ее, если не будетъ ея основанія въ человѣческомъ духѣ. Потому мы замѣчаемъ, что Иисусъ Христосъ относитъ къ разряду добродѣтелей по преимуществу кротость, смиреніе и нищету духовную. И это какъ ни можетъ казаться страннымъ, но такъ должно быть. Извѣстно по общечеловѣческому опыту, что жизнь наша въ своемъ цѣломъ со-

ставѣ есть одна непрерывная борьба силъ и стремленій въ насъ самихъ, борьба съ внѣшнею обстановкою, со всѣмъ, что сопровождаетъ насъ отъ колыбели до могилы. Слѣдовательно и добродѣтель истинная должна быть отпечаткомъ этой борьбы, должна быть сама по себѣ подвигомъ, подвигомъ свободнымъ или борьбой. А отсюда, естественно, она получаетъ характеръ стѣсненный, трудный, неблестящій; стало быть по необходимости крохотный и смиренный. Добродѣтель по внѣшности своей какъ бы ни казалась блестящею, но безъ этого характера она не есть истинная, потому что для такой добродѣтели, блестящей, нѣтъ въ человѣкѣ почвы. Отсюда объясняется и то, почему Иисусъ Христосъ относить къ разряду добродѣтелей страдальческіе подвиги, ибо борьбу нельзя иначе представить, какъ въ формѣ большихъ или меньшихъ страданій. И какъ во внѣшней борьбѣ человѣка вся доблесть приписывается тому, кто одерживаетъ побѣду, а не тому, кто боролся и не выдержалъ борьбы, такъ точно и въ мірѣ нравственномъ, только борющійся до конца и поборающій получаетъ спасеніе. Впрочемъ, нужно цѣнить и самый подвигъ, потому что онъ есть тоже добродѣтель. Такимъ образомъ ученіе Іисуса Христа о нравственномъ достоинствѣ человѣка, его добродѣтеляхъ, совершенно соответствуетъ основнымъ идеямъ нравственного совершенства.

Можно предложить еще вопросъ: если добродѣтели, ублажаемая Христомъ, истинны сами по себѣ и нравственно-высоки, то какой плодъ отъ нихъ для міра? Если вся добродѣтель состоитъ въ вротости и смиреніи, плачѣ и страданіи, то такое ученіе не угрожаетъ ли остаться безплоднымъ для земной жизни человѣка? Что толку — только страдать и терпѣть? Этого рода добродѣтели; добродѣтели терпящія, заключаютъ въ себѣ необыкновенную силу. Никогда нельзя смотрѣть на нихъ въ человѣкѣ, какъ на одно отрицаніе, какъ только на одни страданія, — это нравственное состояніе заключаетъ въ себѣ огромную силу. Гдѣ человѣкъ борется до конца, тамъ сила. Даже если бы и падалъ человѣкъ, но на-

далъ не въ началѣ борьбы, а въ концѣ отъ изнеможенія, и въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на него, не какъ на безсиліе, а какъ на силу. Борьба есть такое явленіе, во время котораго сила сама себя необходимо проявляетъ и узнаетъ. Слѣдовательно нельзя думать, будто Іисусъ Христосъ обрекаетъ міръ на какое-то нравственное безсиліе, напротивъ Онъ вызываетъ и возвышаетъ моральныя силы человѣка. Даже больше можно сказать, самое нравственное возрожденіе человѣка было бы невозможно, если бы не предшествовала ему борьба; борьба и страданія неизбѣжно обуславливаютъ возрожденіе, подобно тому, какъ физическое рожденіе человѣка всегда предшествуется болѣзнями жены. Тѣмъ болѣе нельзя видѣть въ ублаженіи Христомъ смиренныхъ и терпящихъ призыва человечества къ нравственному безсилію, что Іисусъ Христосъ не просто одобряетъ страждущихъ, но обѣщаетъ имъ и положительную награду. И это не есть одно утѣшеніе, но обѣщаніе положительнаго удовлетворенія. Это удовлетвореніе относится не къ одному внѣшнему воздаянію на судѣ, но оно уже явилось съ пришествіемъ Христа на землю и проявляется теперь во всей жизни христіанства.

Если бы ублаженіе людей было только обѣщаніемъ, тогда не было бы опоры для страдальцевъ. Нельзя разумѣть подъ ублаженіемъ, какъ мы сказали, и одного удовлетворенія внѣшняго. Что же еще должно разумѣть подъ нимъ? Здѣсь указывается на чувство удовлетворенія въ самомъ духѣ, пропорціональное его страданіямъ и внутреннимъ потрясеніямъ. И это удовлетвореніе прежде всего явилось съ пришествіемъ Христа на землю въ высшемъ развитіи духовной жизни человѣка; это возвышеніе духа человѣческаго, эта свобода христіанская—вотъ что составляетъ удовлетвореніе. И это удовлетвореніе не есть что-нибудь законченное, принадлежащее одному только времени—первымъ днямъ или годамъ христіанства; нѣтъ, — оно развивается и расширяется постепенно вмѣстѣ съ самымъ христіанствомъ, ибо нужно, чтобы человѣкъ самъ выработывалъ его, нужно, чтобы человѣкъ самъ почер-

паль его изъ вѣдръ христіанства. И мы видимъ, что это удовлетвореніе не предположеніе, а дѣйствительная сила. Видимъ напр., какъ мученики, эти *смиренные*, въ борьбѣ съ язычествомъ утвердили христіанство, и какъ они сами нравственно, духовно овладѣли міромъ; видимъ, какъ кротость христіанская въ лицѣ людей, унижаемыхъ обществомъ, липонныхъ правъ, кроткихъ, хотя съ величайшимъ трудомъ, но тѣмъ не менѣе торжествовала и торжествуетъ, — эти люди дѣйствительно получаютъ наслѣдіе и на землѣ, т. е. права человѣческія и гражданскія. И если мы видимъ теперь только исполненіе сего, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какую борьбу человѣкъ долженъ былъ вести съ міромъ и какъ несокрушима сила христіанства. Видимъ, какъ оправдывается также самымъ дѣломъ и удовлетвореніе алчущихъ и жаждущихъ правды: съ христіанствомъ самое понятіе о правѣ болѣе и болѣе развивается и тѣмъ болѣе, что намъ положительно открыта высшая правда въ Евангеліи; намъ только остается сообразоваться съ нею. Если же мы и не видимъ полнаго достиженія ея, то это съ одной стороны показываетъ только всю широту откровенной правды, съ другой — то, какъ укоренилось въ человѣкѣ неправильное, языческое греко-римское понятіе о ней. За всѣмъ тѣмъ, въ этомъ ученіи Іисуса Христа, въ ублаженіи людей открывается тотъ весьма важный принципъ, который вѣтъ христіанства былъ не только неизвѣстнымъ, но и непонятнымъ; разумѣемъ поставленіе добродѣтели вѣтъ зависимости отъ вѣшняго міра. До христіанства добродѣтель стояла въ связи съ вѣшнимъ міромъ и судьба ея зависѣла отъ него. Возражаютъ, что человѣку несчастному нельзя быть счастливымъ; самое несчастье, говорятъ, располагаетъ человѣка къ злу. Но это ложно, потому что опирается на ложное основаніе, — существо добродѣтели должно быть духовное, и слѣдовательно должно быть независимо отъ матеріальныхъ условій. Да и какая добродѣтель тамъ, гдѣ человѣкъ опредѣляетъ свою дѣятельность вѣшними условіями? Такая добродѣтель не тверда, не возвышенна. Того человѣка нельзя назвать нравственно-

свободнымъ, котораго дѣятельность подчинена вѣншимъ условіямъ. И добродѣтель только та возвышенна, которая нравственно-свободна. Отсюда ясно, какъ ошибаются тѣ, которые добродѣтель поставляютъ въ зависимость отъ вѣнней жизни человѣка.

VIII.

Исусъ Христосъ назвалъ блаженными плачущихъ, нищихъ духомъ и смиренныхъ. Возникаетъ новый вопросъ: если достоинство людей состоитъ въ страданіяхъ, то нужно-ли послѣ этого имѣть нравственный положительный законъ, нужно-ли давать правила, напр. плачущимъ, когда они блаженны уже потому, что плачутъ? Этотъ вопросъ предвидѣлъ самъ Исусъ Христосъ, поэтому Онъ далѣе вслѣдъ за блаженствами и говоритъ: *да не мните, яко придохъ разорити законъ или пророки: не придохъ разорити, но исполнити* (Мто. V, 17). Слѣдовательно, законъ нравственный Моисеевъ долженъ оставаться во всей своей силѣ. Но другой вопросъ: какъ согласить съ этими условіями—плакать и страдать—самый законъ? Разсматривая законъ Моисеевъ, мы видимъ, что при всей его точности въ немъ есть недостатки: — онъ весь состоитъ изъ заповѣдей отрицательныхъ — *не сотвори себѣ кумира, не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй*. Очевидно, онъ не удовлетворителенъ, въ немъ нѣтъ положительнаго. Другой недостатокъ тотъ, что онъ касается преимущественно вѣнней жизни человѣка—общественной и церковной; но вѣдъ за этою областію скрывается необъятная область духа. Поэтому совершенный законодатель былъ бы тотъ, который, болѣе углубляясь въ жизнь внутреннюю, замѣчалъ бы въ ней самыя стремленія и уже по нимъ опредѣлялъ бы свои правила. Еще нужно, чтобы онъ не поставлялъ человѣка только во вѣнніе предѣлы, а напротивъ далъ способы освободиться отъ оковъ вѣннихъ предписаній, не съ цѣлію разрушить ихъ, а съ цѣлію возвысить до ихъ духовнаго начала.

Законъ Моисеевъ нравственный неудовлетворителенъ, но какъ Самъ Іисусъ Христосъ смотрѣлъ на него и относился къ нему, — считаль-ли пужнымъ отмѣнить его, или вмѣсто этого далъ ему только новое приложеніе? Онъ пришлоу не разорить законъ, а исполнить, даже больше — изъ этого закона, Онъ Самъ высказалъ, ни одна черта не должна быть утрачена: *аминь глаголю вамъ: дождеже преидеть небо и земля, іота едина или едина черта не преидеть отъ закона, дождеже вся будутъ* (Мто. V, 18). Еще болѣе Онъ усиливаетъ значеніе Моисеева закона, когда говоритъ, — если кто разоритъ едину малую заповѣдь этого закона *и научитъ тако чело-вѣка, мній наречется въ царствіи небесныхъ* (Мто. V, 19). Далѣе, примѣняясь къ обстоятельствамъ того времени, когда фарисеи и книжники придавали закону свой смыслъ, Онъ говоритъ: чья праведность не превыситъ праведности ихъ, тѣ не вйдутъ въ царствіе небесное (Мто. V, 20). Слѣдовательно Іисусъ Христосъ не намѣренъ былъ отмѣнять нравственный законъ Моисеевъ. Если же такъ, то какой смыслъ Онъ придалъ Моисееву закону?

Какой нравственный законъ нужно считать хорошимъ? Въ законѣ Моисеевомъ мы видимъ правила отрицательныя, виѣшнія, и не видимъ въ немъ задатковъ для нравственного развитія челоука, — правилъ, въ которыхъ челоукъ могъ бы найти для себя положительное руководство. Въ этомъ-то смыслѣ онъ и не могъ возстановить и снасти челоука, что ясно усматривается на народѣ еврейскомъ, — онъ остался неподвиженъ въ нравственномъ отношеніи при всѣхъ своихъ чудныхъ судьбахъ. Сравнивая нравственность до-христіанскую съ нравственностью христіанскою, мы можемъ опредѣлить, какой законъ можетъ назваться совершеннымъ. Это — законъ прежде всего *неотрицательный*. Давать отрицательныя правила — это все равно, что говорить напр. путешественнику: не ходи туда и туда, а куда? — не говорить. Этотъ законъ, далѣе, не долженъ быть виѣшнимъ, потому что главная и существенная жизнь наша есть внутренняя жизнь; виѣшній законъ только

раздвоить человѣка; виѣшнія предписанія даже хуже отрицательныхъ, потому что они только обольщаютъ человѣка, обманываютъ, представляя ему виѣшнія картины жизни. Этотъ законъ не долженъ быть и однимъ гражданскимъ предписаніемъ, ибо общественная жизнь слагается изъ индивидуальностей, характеръ которыхъ прежде всего и должно руководить и воспитать. Хорошій законъ долженъ дать правила, которыя должны быть основой, сѣменемъ, которому должно возрасти въ человѣкѣ, онъ долженъ быть только пособіемъ, а не безусловнымъ правиломъ, котораго человѣкъ не можетъ преступить. Въ этомъ случаѣ знаменательны слова Іисуса Христа, высказанныя устами апостола Павла: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. I, 9). Когда человѣкъ до того возрастетъ духовно, что самъ становится указателемъ для своей нравственной жизни, ему законъ не нуженъ, какъ не нужна для учонаго грамматика. Наконецъ, хорошъ законъ тотъ, который долженъ сдѣлать человѣка свободнымъ, господиномъ своихъ поступковъ, сдѣлать, чтобы человѣкъ дѣлалъ добрыя дѣла не потому, что законъ ему предписываетъ, а самъ по себѣ.

Требуя такихъ условій отъ хорошаго закона, мы не можемъ ожидать, чтобы такое законодательство явилось отъ земли. Если же оно есть здѣсь, то оно должно быть по своему происхожденію вышечеловѣческое. Хорошій законодатель долженъ быть не только хорошимъ моралистомъ, но и хорошимъ философомъ и психологомъ, долженъ знать стремленія духа, чтобы дать ему удовлетворительный законъ; безъ этого условія, когда законъ не соотвѣтствуетъ внутренней природѣ человѣка, онъ уже недостаточенъ и падаетъ самъ собой, какъ это и подтверждаютъ законы многихъ законодателей.

Іисусъ Христосъ, сказали мы, не отвергаетъ Моисеева закона, а напротивъ придаетъ ему все значеніе. Но это послѣ того, что мы сказали о законѣ Моисеевомъ, можетъ показаться страннымъ—недостаточному Верховный Законодатель придаетъ все значеніе? За разрѣшеніемъ этого кажущагося противорѣчія обратимся къ Самому Спасителю. Посмотримъ, какъ

Онъ относится къ Моисееву закону и объясняетъ его. Въ законѣ сказано: *не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду*, а Онъ говоритъ: кто скажетъ даже худое слово брату своему, тотъ подлежитъ суду: *всякъ инъваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду: иже бо аще речетъ брату своему, рака: повиненъ есть сонмищу: а иже речетъ, уроче: повиненъ есть гесниъ огненный* (Мто. V, 22). За одно худое слово—вѣчное осужденіе! Прежде всего, при анализѣ этихъ изреченій, является вопросъ: Иисусъ Христосъ высказываемыя имъ правила находить ли въ самомъ законѣ, или изрекаетъ ихъ отъ себя? При ихъ противоположности Моисееву закону, можно было бы согласиться на послѣднее, но на самомъ дѣлѣ не такъ; Онъ только толкуетъ Моисеевъ законъ. По закону человѣческой природы: внѣшнее дѣйствіе есть выраженіе внутренней жизни, и на оборотъ,—мысль человѣка, чувство есть уже и дѣло, иначе нельзя понимать жизни человѣческой. Сказано въ законѣ: *не убій*. Убіеніе прежде всего зараждается въ мысли и чувствѣ, оно должно совершить цѣлый періодъ жизни внутренней, чтобы потомъ уже выразиться во внѣ. Съ другой стороны, по чувствительности нравственной жизни человѣка часто одно слово само по себѣ бываетъ убійственно. Поэтому нельзя сказать, чтобы Иисусъ Христосъ выдавалъ новыя правила, которыхъ не было въ законѣ Моисеевомъ,—Онъ только раскрываетъ смыслъ послѣдняго, или лучше—всю глубину тѣхъ правилъ, которыя изложены въ законѣ.

Древнимъ было сказано: *не прелюбы сотвори*, а Иисусъ Христосъ говоритъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вождьпальти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ*. Нужно при этомъ различать преступленіе, совершаемое чисто отъ внутреннихъ, чувственныхъ побужденій, отъ преступленія, совершаемаго по внѣшнимъ обстоятельствамъ. Чувственныхъ побужденій лежатъ въ организмѣ человѣка, имѣютъ свой законъ, но законъ не настолько неизбѣжный и необходимый, какъ у животныхъ, у которыхъ все необходимо, всему

свое время и мѣра; не такъ у человѣка: у него какъ будто этихъ ограниченій строго не существуетъ, для него эти чувственные побужденія не могутъ быть строго опредѣлены, очевидно, потому, что онъ состоитъ не изъ одной чувственной природы; въ своемъ разумѣ и нравственной идеѣ онъ носитъ тѣ условія, которымъ должны быть подчинены чувственные побужденія. А отсюда ясно и то, что нравственный судъ не долженъ преслѣдовать одно виѣшнее преступленіе; съ другой стороны—то, что чувственные побужденія такъ сильны въ человѣкѣ, что если они не совершенно бываютъ подавлены въ немъ, то много вреда наносятъ нашей нравственной жизни. Во избѣжаніе вреда отъ нихъ, необходимо подчинять ихъ самымъ строгимъ условіямъ нравственной жизни. Вотъ почему Иисусъ Христосъ, говоря о преступленіяхъ виѣшнихъ, переноситъ судъ во глубину духа человѣка; если человѣкъ, подчиняясь чувственнымъ побужденіямъ, только посмотритъ на жену, съ вожделѣніемъ, онъ уже преступникъ. Это вѣрно и психически: внутреннее явленіе есть тоже актъ. Уча такъ, Иисусъ Христосъ есть уже не только совершеннѣйшій моралистъ, но и совершеннѣйшій психологъ. Какъ совершается преступленіе—по одной ли инициативѣ собственно духа, или вмѣстѣ и по виѣшнимъ впечатлѣніямъ? Если оно совершается и по впечатлѣніямъ, то и тогда человѣкъ не менѣе виноватъ. Правда, нельзя сказать, чтобы человѣкъ, дѣйствующій по впечатлѣніямъ, былъ свободенъ; но онъ не долженъ подавляться виѣшними впечатлѣніями, онъ долженъ быть независимъ отъ нихъ. Съ этой точки зрѣнія можно понять всю глубину Иисусова изреченія: *аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себе: уже бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ уды твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную. И аще десная твоя рука соблазняетъ тя, устыци ю, и верзи отъ себе: уже бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ уды твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну* (Мто. V, 29 и 30). Онъ смотритъ на человѣка съ нравственной точки зрѣнія, человѣкъ долженъ быть

свободенъ, не долженъ поддаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ, не смотря на ихъ силу; свободой онъ долженъ стоять выше ихъ, выше всего.

Далѣе говоритъ Спаситель: *речено же бысть: яко иже аще пуститъ жену свою, да дастъ ей книгу разпутную* (дать ей разводную). *Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ отпущаяй жену свою, развъ словесе любодѣянаго, творить ю прелюбодѣйствовати: и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ* (Мтѣ. V, 31 и 32). Положеніе и значеніе женщины въ древнемъ мірѣ извѣстно — тогда было лучше для нея уйти изъ семьи, гдѣ мужъ былъ дескоть, чѣмъ оставаться въ ней, тогда не было нравственного взгляда на состояніе супружества; но когда христіанство раскрыло намъ супружеское состояніе, какъ состояніе нравственное, тогда очевидно должны были измѣниться и условія его существованія. Вотъ почему Іисусъ Христосъ и говоритъ, что супружество дотолѣ не можетъ быть расторгнуто, доколѣ существуетъ нравственное начало и нравственный союзъ, который можетъ быть разорванъ только чрезъ нарушеніе супружеской вѣрности. Вотъ почему Христосъ запрещаетъ давать разводную, когда не бываетъ еще нарушена эта вѣрность, когда еще не расторгнутъ нравственный супружескій союзъ; и если мужъ дастъ разводную женѣ безъ прелюбодѣйнаго повода съ ея стороны, то онъ дѣлаетъ этимъ то, что она по необходимости впадаетъ въ прелюбодѣйство.

Речено бысть древнимъ: не во лжу кленешися, воздаси же Господеву клятвы твоя. Азъ же глаголю вамъ, продолжаетъ Іисусъ Христосъ, не клятися всяко: ни небомъ, яко престолъ есть Божій: ни землею, яко подножіе есть ногамъ Его: ни Іерусалимомъ, яко градъ есть великаго царя. Ниже главою твоею кленися, яко не можешь власи единого бѣла или черна сотворити. Буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишии же сею, отъ неспрїязни естъ (Мтѣ. V, 33 — 37). И здѣсь, при внимательномъ анализѣ, не трудно видѣть глубину нравственного основанія, на которомъ Онъ основываетъ

клятву. Клятва бываетъ по случаю отсутствія довѣрія, а недовѣріе есть нравственный недостатокъ. Человѣкъ кляпущійся какъ бы такъ говорить: «если ты не вѣришь мнѣ, то повѣрь этому предмету, который ставлю я вмѣсто себя». Но очевидно мы не можемъ распоряжаться небомъ, — оно не наше; равнымъ образомъ ни землею, ни головой своей, когда ни одного волоса мы не можемъ измѣнить. И самое лучшее, по мысли Иисуса Христа, по отношенію къ клятвѣ—это то, если бы клянущійся могъ своею жизнію, личностію убѣждать всѣхъ, что его жизнь, дѣло, слово—истина.

IX.

Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую (Мтѣ. V, 38 и 39). Мы замѣчали прежде, что Моисей, когда изрекалъ нравственныя правила, имѣлъ при этомъ въ виду жизнь общественную, гражданскую. Поэтому и постановленія его прежде всего надобно разумѣть въ смыслѣ гражданскомъ. Въ жизни гражданской возмездіе необходимо; законы гражданскіе имѣютъ въ виду опредѣлить это возмездіе въ строгихъ границахъ, и Моисей, какъ видимъ, хочетъ опредѣлить возмездіе точно и строго: «если другой дѣлаетъ тебѣ зло и ты считаешь его незаслуживнымъ, дѣлай ему возмездіе и на столько на сколько онъ сдѣлалъ тебѣ зла, не болѣе», ибо далѣе Моисей замѣчаетъ: «если ближній не повредилъ тебѣ члена, —ничего не сдѣлалъ, и ты не долженъ дѣлать ему возмездія». Если, однакожь, посмотрѣть на эти постановленія съ точки зрѣнія чистой нравственности, то они окажутся несправедливыми, ибо для меня несправедливо дѣлать зло другому потому, что онъ мнѣ причинилъ зло. Никто не можетъ *обязывать* меня дѣлать зло. Здѣсь нѣтъ мѣста и строго-нравственному вмѣненію, —нравственное вмѣненіе падаетъ только на человѣка, причинившаго зло; здѣсь же зло, которое дѣлаетъ одинъ, вы-

зываетъ и другаго на зло. И слѣдовательно законъ, который позволяетъ дѣлать зло за зло, самъ себя подрываетъ: зло такимъ образомъ является въ удвоенной степени. Очевидно также, такія постановленія не могутъ имѣть для человѣка и хорошихъ послѣдствій; платить зломъ за зло, съ точки зрѣнія чистой нравственности,—это значить усиливать зло.

Не такъ посмотрѣлъ на этотъ предметъ Іисусъ Христосъ: *Азъ же глаголю вамъ не противитися злу*, — т. е. не дѣйствуйте противъ зла тѣмъ же оружіемъ. Это изреченіе выражаетъ самый глубокий и чисто-нравственный законъ. Нравственное достоинство человѣка требуетъ свободы; нравственная свобода требуетъ независимости человѣка отъ зла. А гдѣ свобода человѣка, когда онъ долженъ платить зломъ за зло? Я не обязанъ дѣлать зло потому только, что мнѣ дѣлаютъ зло. Въ Моисеевомъ законѣ нравственная свобода подрывается въ самомъ корнѣ. Кто ударить тебя въ ланиту, подставь ему другую, — говоритъ Іисусъ Христосъ. И напрасно мы стали бы думать, что Онъ, говоря это, представляетъ человѣка пассивнымъ, нравственно-безсильнымъ; Онъ этимъ только не усиливаетъ зла; дѣлающему зло Онъ этимъ не даетъ права дѣлать зло же. Если понятіе о нравственности основано только на внѣшнихъ отношеніяхъ человѣчества, то такое понятіе недолговѣчно, ибо источникъ нравственности — въ глубинѣ духа человѣческаго. Слѣдовательно и внѣшняя пассивность еще не свидѣтельствуетъ о непрочной, безсильной нравственности человѣка, напротивъ подъ внѣшнимъ безсиліемъ скрывается высокая степень нравственной силы, ибо какая сила духа должна быть, чтобы подставить другую ланиту подъ ударъ! Отсюда-то въ ученіи Спасителя усматривается глубочайшій принципъ нравственности, которымъ держится въ человѣчествѣ христіанство, — принципъ побѣды добра надъ зломъ.

Но какимъ образомъ будетъ торжествовать добро, когда позволятся заповѣдію Спасителя торжествовать злу? Торжество зла, а не добра, можетъ видѣться здѣсь только при нашемъ

поверхностномъ взглядѣ, когда мы смотримъ на это съ точки зрѣнія внѣшней жизни. Чтобы добро могло побѣждать, для этого требуется, чтобы оно было свободнѣе, независимѣе, чтобы оно само отрѣшилось отъ зла, было совершенно само въ себѣ, было чуждо зла. Такимъ образомъ мы можемъ понять и то ученіе, которое высказываетъ Спаситель, когда говоритъ: *любите враги ваши, благословите кленущія вы, добро теорите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгоняющія вы* (Мтѣ. V, 44), т. е., чтобы побѣждать въ мірѣ всякую ненависть, надобно быть совершенно добрымъ; мало этого, надобно, чтобы мѣра добра была больше въ насъ, чѣмъ мѣра зла въ нашемъ противникѣ. Отсюда-то и открывается божественная чистота нравственнаго ученія Иисуса Христа.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что Иисусъ Христосъ укореняетъ нравственность въ самомъ духѣ человеческомъ и направляетъ все ученіе Свое къ тому, чтобы добро восторжествовало надъ зломъ. А отсюда нельзя не заключать, что ученіе Его и по достоинству своему и по источнику выше человѣческаго, оно Божественное, почему Христосъ и говоритъ, что тѣ, которые будутъ жить по нему, будутъ *совершени, якоже Отецъ Небесный совершенъ есть* (Мтѣ. V, 48).

Но при этомъ можетъ возникать вопросъ: «если до такой степени ученіе Иисуса Христа совершенно, возвышенно и идеально, то можетъ ли оно быть осуществляемо на дѣлѣ и по этому не напрасно-ли оно дано?» Этотъ вопросъ не лишенъ основанія, потому что смотря на жизнь людей, нельзя не придти къ мысли, что ученіе Иисуса Христа едва ли можетъ быть осуществимо цѣлымъ человѣчествомъ,—оно, пожалуй, и осуществимо, но только въ частностяхъ; человѣчество, какъ мы видимъ, трудно освобождается отъ своихъ недостатковъ. Но еслибы даже и такъ разсуждать,—если оно неосуществимо въ человѣчествѣ, то отсюда еще никакъ нельзя заключать, что оно не пусто; потому что если мы признаемъ въ чловѣкѣ свободно-разумную сторону, то для этой стороны дол-

жесть быть и всесовершенный идеалъ; въ противномъ случаѣ, пришлось бы даже стѣснить или остановить развитіе человѣческой нравственности; потому что нельзя вѣдь представить нравственной жизни въ предѣлахъ однихъ житейскихъ правилъ, это уже не будетъ нравственность, а только житейская практика; и высшія стремленія человѣка остались бы тогда не только безъ удовлетворенія, но и безъ правильныхъ отъправленій.

Другое, что можно на это сказать, состоитъ въ слѣдующемъ: несправедливо называть законъ евангельскій лишнимъ потому, что люди не хотятъ исполнить его. Что можетъ быть проще и неидеальнѣе Моисеева закона: не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй,—но и его не исполняли; и отсюда еще не слѣдуетъ, что эти правила были напрасны. Въ дѣлѣ нравственной жизни неисполненіе закона не служитъ основаніемъ къ его отрицанію. Что же касается ученія евангельскаго, то въ немъ есть особое преимущество, котораго никакой законъ не имѣетъ, это не есть только ученіе или законъ, нѣтъ, — при своей законности это есть сила, которая способна производить въ человѣкѣ дѣйствіе, ей соотвѣтствующее. Это доказалъ на Себѣ Иисусъ Христосъ. Чрезъ Божественную Личность Его, связанную съ человѣчествомъ, эта сила прошла во все человѣчество; и хотя мы сами видимъ,—какъ ученіе евангельское мало осуществляется, но сила его все-таки дѣйствуетъ. Правда, эта сила не для всякаго замѣтна, во-первыхъ, потому, что она глубоко таятся въ духовной природѣ человѣка, во-вторыхъ, потому, что она задерживается борьбой съ другими силами природы и общества, долженствующею продолжаться дотолѣ, доколѣ сила евангельскаго ученія не восторжествуетъ надъ другими противоположными ей силами. Успѣхи медленны, но замѣтны. Такъ напр., что такое современныя улучшенія въ жизни общественной? Нѣкоторые приписываютъ ихъ простымъ, естественнымъ силамъ человѣка, — но они суть не что иное, какъ плодъ нравственныхъ началъ, указанныхъ Христомъ; это отпрыски добраго сѣмени евангельскаго ученія.

Х.

Нравственную чистоту Іисусъ Христосъ переносить и на почву религія: *егда молишися, не буди, якоже лицемери... вниди въ клять твою, и затвори въ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой видя въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явь* (Мтѣ. VI, 5 и 6). Здѣсь, надо замѣтить, Іисусъ Христосъ религію переносить на ея настоящую почву,—во внутренность человѣка, въ его духъ. И дѣйствительно, религія, какъ обращеніе человѣка къ Богу, должна начинаться, совершаться и оканчиваться въ духѣ человѣка; этого мало, только чрезъ одухотвореніе религія приобрѣтаетъ силу, ибо если бы она совершалась въ одной внѣшности, тогда она переходила бы въ формы, которыя, усложняясь, только ослабляли бы ее. Религію Іисусъ Христосъ представляетъ, какъ дѣло совѣсти.

Іисусъ Христосъ, отвлекая религію отъ внѣшности, и перенося ее въ духъ человѣка, говоритъ: когда молитесь, не будьте многорѣчивы, какъ язычники, думающіе, что во многоглаголаніи своемъ услышаны будутъ (Мтѣ. VI, 7). Этимъ Онъ запрещаетъ не продолжительность молитвы, а многосложность предметовъ молитвы. И чтобы научить правильно молиться, Онъ тутъ же даетъ образецъ молитвы: «*Отче нашъ*». Въ пей Іисусъ Христосъ показываетъ отношеніе человѣка къ Богу, научаетъ преданности волѣ Божіей, показываетъ, каковъ долженъ быть духъ нашей молитвы, даетъ совѣтъ избѣгать всѣхъ искушеній и бѣдствій на столько, на сколько эти бѣдствія могутъ наносить вредъ нравственности человѣка. Одно изъ начальныхъ прошеній молитвы Господней, состоитъ въ прошеніи о наступленіи царствія Божія: *да приидетъ царствіе Твое*, учить молиться Христосъ. Здѣсь подъ «царствомъ Божіимъ» надо разумѣть наступленіе въ міръ такого царства, въ которомъ ничего бы не было, кромѣ истины, правды и мира. Въ прямомъ же и положительномъ смыслѣ надобно разумѣть

здѣсь царство Божіе или осуществленіе плана возрожденія человѣчества Богомъ. Но при этомъ возникаетъ вопросъ: въ какой степени осуществился этотъ предметъ молитвы, — планъ Божій о возрожденіи человѣка? На этотъ вопросъ прежде всего должна отвѣчать исторія христіанства. Что же говоритъ исторія? Надобно ожидать, что съ самаго начала христіанства и потомъ этотъ планъ хотя не вдругъ, а постепенно, но осуществлялся, это мы говоримъ, не заглядывая въ исторію, что называется а priori, по требованію самой идеи христіанства. Что же касается до видимыхъ фактовъ исторіи, мы видимъ противное: видимъ борьбу человѣка съ христіанствомъ, борьбу отъ недостатка ли воспріимлемости у человѣка къ христіанству, или отъ того, что христіанство идетъ въ разрѣзъ съ жизнію человѣчества? Борьба человѣка съ христіанствомъ прежде всего зависѣла отъ недостатка вѣры и отъ непокорности ему въ человѣкѣ, что и высказалось на первыхъ же порахъ въ появленіи различныхъ еретическихъ обществъ: гностицизма, арианства, несторіанства и др.; далѣе—воздвигаетъ борьбу противъ христіанства болѣе и болѣе расширяющееся сомнѣніе во все то, что принесено христіанствомъ въ міръ, — сомнѣніе, по видимому, достигшее въ настоящее время уже крайней степени. Это со стороны догматической.

Со стороны нравственной. Если мы видимъ въ частности высокіе образцы христіанской жизни, то съ другой—въ большинствѣ видимъ паденіе нравственности, такъ что въ этомъ отношеніи вѣрны слова одного нѣмецкаго учонаго: «религія до Христа была хуже, а люди лучше, послѣ Христа религія лучше, но люди хуже». Судя по этому, религія христіанская не осуществима. Но едва ли справедливо судить о христіанствѣ по его виѣшнимъ признакамъ. Уже то самое должно умѣрять рѣшительность нашего суда о христіанствѣ, что немного прошло времени съ начала христіанства, — вѣдь эта религія должна возобновить все человѣчество; духовная жизнь человѣка развивается туже физической; кромѣ того, законы жизни духовной для нашего глаза болѣе не замѣтны, чѣмъ

законы жизни физической. Все это говорить, что судить о плодах христіанства еще рано. Въ человѣкѣ, богатомъ и физическими и духовными силами, только чрезъ десятки лѣтъ силы его получаютъ опредѣленное развитіе. Греки и римляне — народы образованные, но оказывалось, что они не понимали самыхъ простыхъ истинъ. Христіанство есть по преимуществу сила духовная, лежащая далеко за предѣлами внѣшней жизни, глубоко укорененная въ духъ человѣческомъ. Оно составляетъ въ этомъ отношеніи контрастъ съ религіей ветхозавѣтной; а чѣмъ оно незамѣтнѣе и духовнѣе, тѣмъ туже должно и развиваться.

Далѣе, христіанство по самому свойству коренныхъ идей своихъ должно развиваться не иначе, какъ борьбой; духъ долженъ бороться съ органическою жизнію, которою онъ окруженъ, долженъ пробивать ее кору; христіанство отвлекаетъ духъ отъ міра, и при этомъ, очевидно, борьба христіанства должна быть продолжительная, и прежде всего духъ долженъ побѣдить самого человѣка, тѣ его привычки и наклонности, которыя онъ выработалъ до христіанства. И эта борьба двоякая: во-первыхъ, онъ долженъ уничтожить въ жизни человѣка все худое, и во-вторыхъ — переработать въ жизни его все хорошее и направить это хорошее къ добрымъ цѣлямъ. Понятно послѣ этого, какъ должна быть долговременна борьба христіанства и какъ должно быть долговременно его развитіе. Можетъ быть и тысячи вѣковъ представлять собой немного времени для того, чтобы возобновить все человѣчество. Мы говоримъ о цѣломъ человѣчествѣ, а не о частностяхъ, которыя при благопріятныхъ условіяхъ могутъ имѣть успѣхъ въ христіанствѣ. Наконецъ, большое противодѣйствіе, какъ подтверждаетъ исторія, оказываетъ развитію христіанства государство. Это противодѣйствіе вытекаетъ изъ того, что начала государства не совпадаютъ съ началами христіанства: государство изъ человѣка приготовляетъ члена общества земнаго, а христіанство — небеснаго. Правда, христіанство не запрещаетъ человѣку быть членомъ общества земнаго, но

оно желаетъ видѣть его по преимуществу членомъ общества небеснаго. Главное же неблагопріятное условіе для христіанства со стороны государства—это то, что общества гражданскія по большей части бывають основаны на ложныхъ началахъ; откуда не могла не возникнуть и возникла борьба между религіей и государствомъ. Государство есть искусственная форма развитія человѣка, а какъ искусственная оно должно было привести и къ искусственному развитію: отсюда тотъ деспотизмъ и безграничное рабство, которые христіанство встрѣтило въ мірѣ. Деспотизмъ и рабство гражданскіе проникли въ глубь нравственной жизни человѣка. Вредъ отсюда понятенъ. Но что принесло христіанство въ общество? Оно не принесло новой гражданской формы, ибо оно есть религія духа; но оно коснулось внутренней стороны гражданства и принесло во внутрь его свое содержаніе. Конечно, это не могло совершиться безъ борьбы, ибо христіанство при этомъ не могло не подрывать установившихся формъ гражданскихъ. Что же именно христіанство принесло для общества? Оно принесло новый взглядъ на членовъ общества, какъ на братьевъ, и на власть его, какъ на служеніе; а это для языческаго государства было такою новостію, которой оно не могло вдругъ переварить. Отсюда-то и гоненія, всматриваясь въ которыя, мы видимъ, что здѣсь борьба была не столько изъ-за религій, сколько изъ-за нарушенія христіанствомъ языческихъ формъ. Когда же государство увидѣло всю тщету своихъ преслѣдованій противъ нравственныхъ началъ христіанства, тогда оно признало необходимость ввести послѣднее внутрь своей жизни. Философъ при этомъ замѣтилъ бы, что государство, при всей уступчивости христіанству, все-таки невдуръ еще могло прекратить борьбу свою съ христіанствомъ, ибо оно не въ силахъ вдругъ отказаться отъ своихъ древнихъ языческихъ началъ. И это справедливо.... Но жестоко заблуждаются тѣ, которые хотять видѣть въ религій одно изъ средствъ для государственныхъ цѣлей, подтвердить эту мысль они не могутъ даже и мнимыми доказа-

тельствами: религія Христова не отъ міра сего, т. е. она должна быть вовсе независима отъ государства.

Внутренняя сторона христіанства показываетъ, что при всѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ нему государства, оно все-таки шло впередъ, развивалось и передѣливало племена, народы и государства; плоды, которые цивилизація хотѣла бы приписать себѣ, суть плоды именно христіанства, разумѣемъ свободу убѣжденій и равенство. Государство же, присвоивая себѣ эти плоды, только желаетъ, какъ бы не высвободить религію изъ своей власти. Съ этою же цѣлію оно проповѣдуетъ и свободу совѣсти. Въ такомъ ложномъ отношеніи находится государство къ религіи и доселѣ. Этимъ отношеніемъ объясняется и нынѣшняя возня папы съ итальянскимъ королемъ; эта борьба есть воздѣйствіе христіанства, которое, съ одной стороны, хочетъ пробиться чрезъ кору панства, чтобы жить своею жизнію, съ другой—преобразовать формы гражданской жизни.

Да придетъ царствіе Твое,—этимъ, сказали мы, высказывается желаніе осуществленія всего плана домостроительства Божія на землѣ. Но этотъ планъ не могъ осуществиться и по самой сущности христіанства, которое вѣчно будетъ развиваться. Религія ветхозавѣтная могла скорѣе окаменѣть, чѣмъ развиться: чтобы видѣть это, стоитъ только посмотреть на ея основныя истины. Такова же религія и магометанская; быстрое распространеніе послѣдней свидѣтельствуетъ только о томъ, что она приналась по характеру народа, который исповѣдуетъ ее. Не такова религія христіанская: она не ограничивается ни мѣстомъ, ни временемъ, и нѣтъ народа, которому она могла бы болѣе правиться, чѣмъ другому. Такимъ образомъ и распространеніе христіанства не есть дѣло пропаганды, а есть существенная черта его характера, оно способно къ развитію, не ограничиваемому ни мѣстомъ, ни временемъ. Такого же свойства и характера и содержаніе христіанской религіи. Оно возрождаетъ и обновляетъ человѣка, что также свидѣтельствуетъ о безконечномъ развитіи этой ре-

лигіи. Предметы ея содержанія говорятъ о ея силѣ и высотѣ, какъ высока напр. ея слѣдующая истина: *достойтъ кланятися Богу духомъ и истиною* (Іоан. IV, 24). Для такого поклоненія нѣтъ предѣловъ, ибо безконеченъ духъ человѣка, слѣдовательно безконечна и религія. Если же такова религія по своему существу, по своимъ основнымъ задачамъ, однимъ словомъ, если она безконечна въ своемъ развитіи: то несправедливо было бы заключать о ея сущности по ея развитію въ теченіе одной или двухъ тысячъ лѣтъ. Съ безконечнымъ развитіемъ естественныхъ силъ человѣка должно безконечно развиваться и христіанство. Отсюда-то становятся понятными для насъ и эти слова апостола: *видимъ убо нынѣ якоже зеркаломъ въ тинни, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и познавъ быхъ* (1 Кор. XIII, 12). Но сколько времени требуется, чтобы достигнуть чрезъ христіанство осуществленія этой задачи?

И остави намъ долги наши, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Въ этихъ словахъ сущность и сила христіанства выражаются преимущественно въ нравственномъ отношеніи. Богъ прощаетъ человѣка, а человѣкъ—своего ближняго. Изъ такихъ взаимныхъ прощеній слагается свѣтлый образъ любви и мира. Этого образа не представляетъ намъ ни одна религія; если въ какой религіи и найдемъ намекъ, что должно любить человѣка, но никакъ не найдемъ указанія па то, чтобы прощать ближняго, что бы онъ ни сдѣлалъ намъ.

Богъ прощаетъ человѣка не потому, что не хочетъ гнѣваться, а человѣкъ—человѣка не потому, что не хочетъ сердиться. Такое пониманіе не исчерпываетъ всей силы прошенія молитвы Господней. Когда усиливается зло, — чрезъ положеніе или отрицаніе? Что изъ того выйдетъ, если мы, чтобы отнять силу у зла, будемъ его преслѣдовать, будемъ дѣлать возмездіе? Законъ, который преслѣдуетъ зло, не только чрезъ это признаетъ силу зла, но и даетъ ему жизнь. Другое выходить, когда не признается жизнь и сила зла, когда отрицается у него право на существованіе, а это можетъ быть

только тогда, когда добро не вызываетъ зла на борьбу, не дѣлаетъ ему возмездія; послѣднее отношеніе добра ко злу не можетъ не ослаблять его. Разсуждая такъ, мы поймемъ все значеніе прошенія: *и остави намъ долги наши, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Въ немъ выражается, что мы даже не хотимъ и думать, что зло сильно. И дѣйствительно, при такомъ нашемъ отношеніи къ нему, оно ослабляется само по себѣ. Когда Иисусъ Христосъ говоритъ, что Богъ прощаетъ, Онъ этимъ не хочетъ сказать, что Онъ безразлично относится къ добру и злу, по то, что отрицая силу у зла, Онъ этимъ ослабляетъ его.

Но при этомъ возражаютъ: «если такъ поступать, — прощать другъ друга, то зло разовьется до безконечныхъ предѣловъ, тогда правда, явно понижаемая, будетъ страдать». Никогда, если это положеніе будетъ осуществляться въ предѣлахъ христіанства, а иначе и быть не можетъ, ибо оно не стоитъ отдѣльно отъ другихъ христіанскихъ истинъ. Если же мы на самомъ дѣлѣ и видимъ иногда противное, то это говоритъ только о томъ, что можно злоупотреблять какими угодно добрыми правилами. И этою идеею прощенія выражается не слабость моральныхъ силъ христіанства, а на оборотъ — высказывается сила ихъ, та сила, которой достигнуть христіанамъ можетъ не вдругъ, а только съ теченіемъ времени.

XI.

Не скрывайте себѣ сокровища на земли, идиже червь и тля тлитъ, и идиже татіе подкопываютъ и крадутъ: скрывайте же себѣ сокровища на небеси, идиже ни червь, ни тля тлитъ, и идиже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ. Идиже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше (Мтѣ. VI, 19—21). Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучше ихъ есте

(—VI, 26)?.. *Не печитесь убо, глаголюще: что ямы, или что нѣмъ, или чимъ одеждемся; ищите же прежде царствія Божія и правды ея, и сія вся приложатся вамъ* (Мто. VI, 31. 33). Въ этихъ изреченіяхъ, какъ видимъ, Христосъ опредѣляетъ отношеніе наше къ здѣшней жизни и при этомъ отрицаетъ самыя положительныя нужды человѣка. Изъ какого источника вытекаетъ такой моральный взглядъ на жизнь человѣка? Изъ характера-ли учителя, или изъ какихъ-нибудь началъ мистическихъ, которыя Іисусъ Христосъ хотѣлъ положить въ основаніе своего ученія, или Онъ давалъ эти правила не для всѣхъ людей, а только исключительно для Своего малаго общества, или же, наконецъ, это было нѣчто похожее на презрѣніе къ жизни? Углубляясь въ ученіе Іисуса Христа и Его характеръ, не можемъ допустить ни одного изъ этихъ объясненій. Учитель такъ былъ близокъ къ человѣку, что оказывалъ величайшее снисхожденіе ко всѣмъ его поможамъ, и цѣлю Своего ученія поставлялъ возстановить, а не подавить человѣчество. Поэтому въ ученіи Его слѣдуетъ искать началъ болѣе положительныхъ и существенныхъ. Правственная жизнь, какъ мы неоднократно говорили, должна проистекать изъ внутри человѣка, а не извнѣ; и слѣдовательно человѣкъ долженъ быть сколько возможно болѣе присущъ себѣ и углубленъ въ себя, а не привязываться къ внѣшнимъ предметамъ; стало быть Спаситель, когда говоритъ о необходимыхъ нуждахъ человѣка, то не отрицаетъ ихъ совсѣмъ, а хочетъ сказать только, чтобы эти нужды были подчинены нравственнымъ началамъ, жизни духовной. Съ другой стороны, нельзя быть человѣку нравственнымъ, если не утверждена въ немъ нравственная свобода; нравственная же свобода требуетъ, чтобы нравственное развитіе не подлежало случайнымъ условіямъ, иначе она не можетъ быть твердой, и нравственная жизнь будетъ также измѣнчива, какъ измѣнчивы самыя условія, а это будетъ значить тоже, что нѣтъ ни нравственности, ни нравственной свободы. И это понятно: если нравственность поставятъ въ зависимость отъ случайныхъ

обстоятельствъ, тогда не могло бы быть общихъ правилъ, такихъ, которымъ бы одинаково могъ подчиняться и бѣдный и богатый, тогда никакой законодатель не въ состояніи былъ бы изречь ихъ, и ихъ не существовало бы. Между тѣмъ нравственность составляетъ существенную сторону жизни человѣческой; у ней должны быть свои непреложные законы и твердыя правила, по которымъ человѣкъ долженъ стоять впѣ случайностей и быть вполне самостоятеленъ въ своихъ нравственныхъ дѣйствіяхъ. Другое необходимое условіе для развитія нравственной жизни человѣка то, чтобы развитіе ея не подлежало стѣснительнымъ ограниченіямъ; нравственность нельзя понимать какъ кодексъ извѣстныхъ правилъ, почва ея—человѣческій духъ, поэтому она не есть что-нибудь безжизненное и матеріальное, она также свободна и жизненна, какъ самый духъ, ея развитіе безусловно и самоусовершенствованіе бесконечно, а поэтому человѣкъ не долженъ предаваться необходимымъ житейскимъ нуждамъ до того, чтобы они могли ограничивать развитіе нравственной жизни; крѣпкая же привязанность къ естественнымъ нуждамъ очевидно ограничивала бы нравственную жизнь. Въ третьихъ нравственность человѣка должна имѣть какой-нибудь идеаль, потому что человѣкъ не можетъ развиваться, не имѣя предъ собою идеала,—идеала такого, на сколько его можетъ представлять или понимать умъ человѣка. Этотъ идеаль не можетъ не быть отвлеченнымъ, потому что онъ долженъ быть выше обыкновенной жизни человѣческой, и его, очевидно, нельзя почерпнуть изъ впѣшней жизни. Это лучше всего доказываетъ современность, съ своими безуспѣшными попытками—выработать нравственный идеаль изъ жизни, текущей предъ нашими глазами: изъ обыденныхъ благъ можетъ выработаться только обыкновенный образъ, скоропреходящій, матеріальный. Такимъ образомъ, понятно, почему Иисусъ Христосъ говоритъ, что не должно заботиться не только о благахъ земныхъ, но и о естественныхъ потребностяхъ человѣка. Конечно, когда Иисусъ Христосъ говорилъ это, Онъ

не имѣлъ въ виду отвлечь человѣка отъ жизни. Несправедливъ и тотъ взглядъ, будто Христосъ имѣлъ въ виду улучшить только жизнь человѣка мірскую. Онъ вездѣ—и своими дѣйствіями и ученіемъ—подчиняетъ жизнь мірскую духовной, и между тѣмъ не отрываетъ человѣка и отъ міра.

ХІІ.

Остаиваемся сегодня на воскресеніи сына Наинской вдовы (Лук. VII, 11—17). Иисусъ Христосъ однимъ словомъ воскресилъ умершаго. Много возраженій существуетъ противъ дѣйствительности подобныхъ явленій въ жизни Спасителя; вслѣдствіе чего отстаивать подобныя явленія труднѣе всего. Но какъ бы ни были сильны возраженія, будемъ отвѣчать на нихъ строгимъ анализомъ; онъ обнаружитъ слабость возраженій и доставитъ намъ возможность защитить оспариваемое явленіе. Первое возраженіе касается подлинности евангельскаго событія. На сколько же сильно это возраженіе? Оспариваніе подлинности мѣста, въ которомъ разсказывается о событіи, не есть еще опроверженіе событія. Ни одна критика, — ни историческая, ни рационалистическая — не могла опровергнуть подлинности Евангелія, тѣмъ болѣе подлинности извѣстнаго мѣста. Евангелія явились немного спустя послѣ жизни Спасителя. Если бы нѣкоторыя событія, приписываемыя дѣйствіямъ Иисуса Христа, были вымысломъ, то ихъ не допустили бы занести въ евангелія не только враги, но и послѣдователи Иисуса Христа. Съ другой стороны въ дѣйствительныхъ фактахъ Иисуса Христа враги Его не хотѣли признать только силы высшей, божественной, а приписывали ихъ силѣ Вельзевула.

Произведемъ анализъ внутренней стороны этого явленія. Возражая противъ возможности и дѣйствительности чудесъ, опираются обыкновенно на принципы естественной науки: — силы природы, говорятъ, всегда дѣйствовали по своимъ неизмѣннымъ законамъ, и если нынѣ мы не видимъ подобныхъ

явленій, т. е. чудесъ, то ихъ не было и не должно было быть и раньше въ силу неизмѣнности законовъ.

Если бы законы природы дѣйствовали безусловно неизмѣнно,—сегодня какъ завтра и вчера, то при такой неизмѣнности природа едва ли бы представляла въ себѣ жизнь, ибо никакая машина не есть жизнь по тому одному, что она дѣйствуетъ неизмѣнно—по однимъ законамъ; въ машинѣ нѣтъ жизни, а есть только механическое движеніе. Жизнь, по самому своему понятію, есть безграничное развитіе силъ, въ ней дѣйствующихъ; но этого развитія не можетъ быть въ природѣ, какъ машинѣ. Машина должна истощиться и стать, ибо по закону естественному — одна сила, непрерывно дѣйствующая по однимъ законамъ, должна истощиться и стать; для ея отпращиванія требуются измѣненія. Прихѣромъ на это можетъ служить организмъ человѣка: вся его жизнь состоитъ въ измѣненіи частей организма. Если же съ понятіемъ о жизни соединяется безграничное развитіе, то необходимо должно допустить и комбинацію и измѣненіе въ самыхъ основахъ, на которыхъ держится жизнь міра. А при такихъ измѣненіяхъ можетъ явиться человѣкъ, который, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ производить и дѣйствія необыкновенныя.

Далѣе, если мы и согласимся съ приведеннымъ нами возраженіемъ, то подобное явленіе, разсматриваемое нами, изъ жизни Спасителя можетъ ли служить доводомъ неизмѣнности законовъ природы? Человѣкъ воскрешенный живетъ и опять умираетъ, стало быть онъ не нарушаетъ сущности законовъ природы. Съ другой стороны нѣтъ закона безъ исключенія, и эти исключенія могутъ и даже должны быть, потому—что они бывають весьма необходимы и полезны.

Ни положительная наука, ни разумъ не рѣшили еще—что такое жизнь сама въ себѣ, точно также, какъ—что такое смерть? Мы видимъ только факты, человѣкъ живетъ и умираетъ; но все остальное, что стоитъ за фактами, отъ насъ скрыто, и это большой недостатокъ въ насъ: ибо, зная сущность законовъ смерти, мы тогда могли бы знать, какъ жизнь угасшая

можетъ возстать и возставши угаснуть. Стало быть, вся сила возраженія, приведеннаго нами, состоитъ въ незнаніи того, какъ могло случиться чудо.

Жизнь въ природѣ и жизнь въ человѣкѣ имѣетъ тамъ и здѣсь одинаковое для себя основаніе въ постоянныхъ законахъ, но при этомъ не вездѣ она развивается въ одинаковой степени, даже въ недѣлимыхъ: въ одномъ организмѣ — она развивается въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ другомъ и т. д., хотя организмъ недѣлимаго и основа жизни въ немъ одинаковы; стало быть это разнообразіе зависитъ отъ частныхъ условій, при единствѣ основанія. Если такъ, то какая наука можетъ поручиться, что такой-то человѣкъ при извѣстныхъ условіяхъ не можетъ прожить ста лѣтъ? Та причина, которая одного заставляетъ жить 20 лѣтъ, другаго 100 лѣтъ, можетъ иного заставить жить и 500 лѣтъ. Если же такъ, то можетъ случиться, что явится человѣкъ, который совмѣститъ на себѣ всѣ условія для продленія жизни.

Съ другой стороны, предъ нашими глазами преобладаніе жизни; смерти, видимъ мы, какъ бы не существуетъ, и измѣняется предъ нами только одна жизнь: для одного субъекта смерть, для другаго эта же смерть служитъ началомъ жизни. Эту истину подтверждаютъ даже статистическія свѣдѣнія, число рождающихся, при неблагоприятныхъ даже условіяхъ, превышаетъ число умирающихъ, въ двѣ секунды умираетъ два человека а рождается три. Точно также статистика доказываетъ, что при случаяхъ насилій надъ жизнью, жизнь все-таки торжествуетъ: послѣ эпидемическихъ болѣзней цифра рожденій всегда увеличивается; сама природа спѣшитъ возстановить себя. Такимъ образомъ, при постоянномъ развитіи жизни и при преобладаніи жизни надъ смертію или, что тоже, при стремленіи къ отрицанію смерти можетъ явиться человѣкъ, въ которомъ жизнь въ особенной степени проявляется. Это подтверждаетъ даже естественная наука. Опыты магнетизма показываютъ, что жизнь изъ одного субъекта переходитъ въ другаго. Очень жаль, что по сему предмету есть только отры-

вочныя свѣдѣнія и эта сторона явленій доселѣ не разработана систематически. Само собою разумѣется, что при нашемъ изслѣдованіи, сила магнитическая не ведетъ къ объясненію дѣла, но тѣмъ не менѣе эти указанія могутъ имѣть здѣсь мѣсто, они могутъ послужить нѣкотораго рода лѣстницей, по которой можно восходить къ уразумѣнію и тѣхъ вопросовъ, которые мы рѣшаемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Германіи вышла брошюра одного доктора, въ которой сообщался слѣдующій фактъ магнитизированія. Одинъ молодой человѣкъ умиралъ отъ чахотки; одному лекарю-магнитизеру, случившемуся при больномъ, пришла мысль магнитизировать умирающаго въ послѣдній моментъ его жизни. Больной согласился на это; докторъ началъ магнитизировать. Нужно замѣтить—больной имѣлъ все признаки смерти; и что же?—въ самый моментъ смерти жизнь была задержана. Пульсъ не бился, но умершій отвѣчалъ на вопросы, и звуки его голоса были похожи на то, какъ бы выходили они изъ дна глубокаго колодца. Когда послѣ магнитизированія докторъ спросилъ его, онъ отвѣчалъ, что онъ, больной, умеръ, но что-то задерживаетъ его на порогѣ смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ больной выражалъ жалобу на то, что его держать въ такомъ тяжкомъ для него положеніи. Наконецъ, этотъ умершій сталъ умолять магнитизера, чтобъ онъ освободилъ его изъ такого положенія. И когда мольба его была исполнена, организмъ его былъ уже трупомъ. Этотъ фактъ показываетъ, что жизнь одного можетъ переходить и дѣйствовать въ другомъ, когда этотъ другой уже умираетъ. Какова же была сила жизни въ человѣкѣ, который дѣйствовалъ на умирающаго! Но что это за сила, наука этого не рѣшила; со временемъ, можетъ быть, наука перестанетъ звать ее магнитизмомъ. Одна-ли сила физическая дѣйствовала въ этомъ случаѣ,—трудно на это отвѣчать; но думается, что такого дѣйствія не могла произвести одна физическая сила, которая не можетъ быть до такой степени самостоятельна и независима; и мы знаемъ, что въ подобныхъ случаяхъ много значить сила воли магнитизера, и первое условіе магнитизи-

рованія, чтобъ воля больного была подчинена волѣ магнети-
зера. Если же въ докторѣ такъ велика была сила естествен-
ная, что могла бороться со смертію, то какова должна быть
сила его воли? Все это приводитъ къ заключенію, что при
развитіи или упадкѣ жизни физической много значитъ сила
правственная. Сила физическая не могла бы имѣть разумнаго
направленія, если бы она не имѣла тѣсной связи съ высшей
силой—правственной, которая направляетъ и развиваетъ ее.
Никто не можетъ оспаривать данныхъ естественной науки,
но какъ скоро эта наука приходитъ къ выводамъ изъ нихъ,
то сознаетъ свое безсиліе. И только откровеніе научаетъ насъ
узнавать сопоставленіе силы естественной съ силой правствен-
ной, только оно объясняетъ намъ и обыкновенные факты и чу-
десные.

Опыты показываютъ, что силы физическія въ своихъ измѣ-
неніяхъ подчиняются силѣ правственной. А если такъ, то
лѣтъ причинъ сомнѣваться въ томъ, что сила правственная
чѣмъ развитѣе, тѣмъ сильнѣе она должна дѣйствовать на фи-
зическую силу. Условія развитія правственной силы различны,
но самыя лучшія тѣ, когда сила развивается сама изъ себя;
во времена до-христіанскія сила физическая господствовала
надъ правственной силой; въ христіанствѣ, уже при самомъ
его появленіи, наоборотъ,—сила правственная начинаетъ тор-
жествовать надъ физической, что можетъ подтверждать рѣзко
выдающееся явленіе въ исторіи христіанства—мученичество:—
здѣсь человѣкъ какъ бы не чувствовалъ физическихъ страданій;
здѣсь моральная сила до послѣдней степени ослабляла физи-
ческую. Это достаточно утверждаетъ надежду, что будетъ время,
когда моральная сила получитъ въ христіанствѣ еще большее
развитіе; и, развиваясь съ теченіемъ времени болѣе и болѣе,
она могла бы сдѣлаться всемогущею. Но при этомъ возни-
каетъ вопросъ сомнѣнія: историческіе опыты показываютъ,
что торжество правственной силы надъ физической прояв-
ляется только въ индивидуумахъ, но какимъ образомъ эта сила
проявится во всѣхъ? Какъ этотъ вопросъ ни труденъ, но опы-

рѣшается легко. Если въ индивидуумахъ сила моральная такъ развивается, что дѣйствуетъ неотразимо на физическую силу, то что удивительнаго, если эта сила при благоприятныхъ условіяхъ получить такое развитіе, что будетъ дѣйствовать во многихъ личностяхъ и въ цѣломъ человѣчествѣ. Исторія показываетъ, что человѣчество съ теченіемъ времени начинаетъ дѣйствовать въ природѣ посредствомъ все болѣе и болѣе простыхъ силъ ея. Слѣдовательно, духу человѣческому нужно только приходить въ непосредственное отношеніе съ силами природы: теперь уже духъ человѣческій въ нѣсколько часовъ говоритъ чрезъ океаны, и въ нѣсколько часовъ пробѣгаетъ человѣкъ такое пространство, пройти которое прежде требовались цѣлые дни пѣдѣли и мѣсяцы. А если такъ, то духъ человѣка съ теченіемъ времени, все уточая и уничтожая преграды пространства и времени, станетъ лицомъ къ лицу съ природою, торжествуя полную побѣду надъ послѣдней. И странно! Какимъ образомъ люди, отвергающіе силы моральныя — такъ называемые матеріалисты, не хотятъ видѣть безпредѣльнаго развитія силы мысли и воли! Нужно нарочно закрыть глаза, чтобы не видѣть ни моральныхъ силъ, ни ихъ развитія, ни плодовъ этого развитія.

Разсуждая такъ, мы придемъ если не къ положительному уразумѣнію, то къ близкому представленію того, какимъ образомъ сила моральная при своемъ развитіи будетъ торжествовать надъ всѣми физическими силами. Она будетъ торжествовать, и это будетъ то торжество, которое мы называемъ воскресеніемъ мертвыхъ.

Откровеніе, поставляя силу моральную выше физической, приводитъ насъ къ тому, что мы должны видѣть и ставить нравственную личность человѣка выше всего; оно представляетъ даже Личность, воскрешающую мертвыхъ. Судя безпристрастно, въ воскресеніи мертвыхъ мы видимъ торжество силы моральной надъ физической. Человѣчество не достигло этого, но это возможно было для Іисуса Христа, и это было исключеніе и при томъ условное: будетъ время, говоритъ Христосъ,

когда другіе больше Меня сдѣлають (Іоан. XIV, 12). Это значитъ: то, что сдѣлалъ Христосъ, будетъ достояніемъ другихъ людей и даже всего человѣчества. Этимъ Онъ показываетъ определенное дѣйствующее въ мірѣ начало или законъ. Въ соответствии этому процессу, о которомъ говоритъ намъ откровеніе, тоже откровеніе говоритъ, что будетъ такая эпоха въ мірѣ, когда не только человѣчество преобразится, достигнетъ высшаго развитія, но наконецъ человѣчество умершее возстанетъ. Сколько ни представляютъ возраженій противъ этой эпохи, но, анализируя предметъ безпристрастно, можно придти къ представленію и этого событія. Но объ этомъ послѣ.

XIII—XV.

Иисусъ Христосъ, какъ читаемъ въ Евангеліи, прощаетъ грѣшницъ, за что подвергся крайнему осужденію со стороны фарисеевъ. Прощать всѣ грѣхи по уваженію только къ одному чувству, которое наполняло душу грѣшниковъ, есть одна изъ характерныхъ чертъ Евангелія. Чувство это, изъ-за котораго отпускались грѣхи, было чувство любви, великое значеніе котораго требуетъ особеннаго объясненія. И прежде всего, чтобы постигнуть великую силу любви, надобно представить, какое понятіе о грѣхахъ существовало до Христа и какое понятіе было до Него о правосудіи Божіемъ! Иисусъ Христосъ какъ-будто уничтожаетъ эти понятія и изъ уваженія къ одному чувству идетъ вразрѣзъ съ ними. При этомъ невольно спрашиваешь себя: прощать грѣшниковъ—предметъ одного ли Божескаго милосердія или въ самомъ сердцѣ прощающаго есть основаніе, по которому дѣло милосердія не есть дѣло простого милосердія, а тѣмъ болѣе какого нибудь произвола?

Иисусъ Христосъ простилъ грѣшницъ всѣ грѣхи (Лук. VII, 36—50) не по уваженію къ чему нибудь, а единственно потому, какъ говорится въ Евангеліи, что она *возлюби много* (Лук. VII, 47). Этотъ знаменательный фактъ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Здѣсь представляется много вопросовъ, рѣше-

ніе которыхъ должно разъяснить юридическую и моральную сторону этого факта. Со стороны юридической—Иисусъ Христосъ имѣлъ ли право, не зависимо отъ его Божескаго достоинства, отпускать грѣхи, и если имѣлъ, —какого оно рода и на чемъ основано? И потомъ—какимъ образомъ женщина могла быть прощена, когда грѣхи ея были извѣстны всѣмъ, и прощена за то только, что оказала усердіе къ одному Иисусу Христу, и наконецъ—какъ была прощена, т. е. было ли это одно снисхожденіе Иисуса Христа къ ней, или это былъ дѣйствительный фактъ прошенія и освобожденія отъ грѣховъ?

Имѣлъ ли Иисусъ Христосъ формальное право прощать, и если имѣлъ, кто Ему далъ это право? Вмѣнять или не вмѣнять грѣхъ другому, для этого нужно владѣть судомъ. Весь же судъ былъ въ рукахъ Иисуса Христа: *Отецъ бо не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови* (Іоани. V, 22). Слѣдовательно право судить принадлежало Ему и Онъ облеченъ былъ этимъ правомъ отъ Самого Бога Отца. Впрочемъ и независимо отъ уполномочія отъ Отца, Онъ утвердилъ за Собой право суда послѣ того, какъ раскрылъ моральную сторону закона, указавъ, — въ чемъ должна состоять нравственная жизнь человѣчества, и научилъ какъ должно судить напр. объ убійствѣ. То, что Онъ открылъ новыя правила нравственности, толкуя Моисеевъ законъ, и въ этомъ отношеніи явился не только хорошимъ толковникомъ, но и законодателемъ, заставляетъ признать, что никто справедливѣе и не могъ приложить къ жизни этихъ правилъ, которыя Онъ указавъ, какъ Самъ Онъ. Наконецъ, неограниченное право суда надъ человѣчествомъ принадлежитъ Ему по самому Его назначенію. Онъ пришолъ страданіями своими искупить людей, и въ этомъ состоятъ Его безпредѣльныя заслуги для человѣка: но, какъ подтверждаетъ даже простой опытъ человѣческій, благодѣтель всегда получаетъ моральное право надъ облагодѣтельствованнымъ. Такимъ образомъ, право суда надъ человѣчествомъ, понятое раціональнымъ образомъ, неоспоримо принадлежало

Иисусу Христу, и теперь понятно — могъ ли Онъ отпускать грѣхи? Онъ имѣлъ право вязать, и имѣлъ право рѣшать.

Нельзя невидѣть еще основанія, по которому Иисусъ Христосъ прощать грѣхи. Разсуждая строго юридически, судъ обязанъ дознать преступленіе во всей точности и приложить къ дѣлу законъ, т. е., опредѣлить бѣльшую или меньшую мѣру наказанія во всей строгости, но миловать судъ самъ по себѣ не можетъ. Для этой цѣли должна быть высшая моральная сила, которая возвышается надъ судомъ и не обязывается ему. Въ цивилизованномъ государствѣ это право помилованія принадлежитъ верховной власти. Такъ точно и при помилованіи грѣшницы, Иисусъ Христосъ является не столько въ качествѣ Судіи, сколько въ качествѣ Искупителя. Безпредѣльна жертва искупленія, принесенная Имъ, непредѣльна должна быть въ Немъ и сила помилованія.

Какимъ образомъ усердіе, которое проявила женщина къ Иисусу Христу, могло служить основаніемъ, чтобы простить ей всѣ грѣхи, тѣмъ болѣе, что и самые знаки, въ которыхъ она высказала усердіе, не велики? Фарисеи такъ и разсуждали, — и изумлялись, что Иисусъ Христосъ, считающій себя праведникомъ; довольствуется этими знаками усердія, и мало этого — еще прощаетъ грѣшницу. Здѣсь открывается мѣсто для сопоставленія юридической стороны съ чисто психической. Если этотъ фактъ — усердіе грѣшницы къ Иисусу Христу — отдать на судъ формально юридическій, этотъ фактъ не оправдать бы женщины; на этотъ разъ юридическая сторона была удалена, ибо здѣсь по самому разумному взгляду юридическая сторона стоитъ виѣ; этотъ фактъ есть моральный, но какъ моральный онъ всегда имѣетъ основаніе свое внутри человѣка; поэтому чтобы судить о преступленіи человѣка и о томъ, какъ заглаживается оно, для этого мало быть юристомъ, а главное — надобно быть психологомъ. Если бы мы видѣли женщину — какъ она проявляла усердіе, если бы мы увидѣли, что въ этой женщинѣ таится то, что заставляетъ помиловать ее, — горитъ та искра, которая воспламеняется въ ней при Иисусѣ

Христѣ, и таится такая сила, которая при извѣстныхъ условіяхъ можетъ направить ее душу на другой путь: что мы тогда сдѣлали бы? Вотъ что нужно бы знать судѣѣ. — Если ее простить, то это значило бы ослабить силу суда, — подать поводъ другимъ грѣшить; съ другой стороны, если не прощать ее, то можетъ случиться, что она окончательно погибнетъ, — юридическая суровость могла бы совершенно подавить въ ней ту искру добра, которая таилась въ ней. Но Іисусъ Христосъ простилъ ее, и такимъ образомъ явился не только Судѣей, но и величайшимъ психологомъ: — Онъ не обратилъ вниманія на виѣшнее ея усердіе, но проникъ въ ея душу и оцѣнилъ ея внутреннюю сторону.

Прощая блудницу, Іисусъ Христосъ поступилъ не по правдѣ законной, а по правдѣ высшей. Что должно судить? фактъ ли, или человѣка? По правдѣ высшей, или евангельской, надобно судить человѣка; но этого никакъ не могла добиться правда, судившая до Іисуса Христа, — законъ Моисеевъ судилъ по фактамъ. И чтобы судить самого человѣка, его нравственную жизнь, — для этого должны быть положены новыя основанія, новая идея правды, осуществленіе которой и показалъ Іисусъ Христосъ на Себѣ; — Онъ всегда смотрѣлъ въ человѣка, а не на его дѣйствія. Слишкомъ много можетъ быть обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ человѣкъ совершаетъ крупныя преступленія; — но все таки онъ совершаетъ по ошибкѣ и не всегда, какъ результатъ нравственнаго состоянія. Человѣкъ, положимъ, воръ: въ душѣ его такъ сложилось, что онъ при всякомъ случаѣ украдетъ; но можетъ быть, по обстоятельствамъ или по собственной волѣ, такъ устроилась его жизнь, что фактъ нисколько не свидѣтельствуетъ о внутренней его жизни. Такъ напр. нерѣдко можемъ встрѣчать такіе случаи, — украсть человѣкъ, вовсе не расположенный красть. Отсюда-то и выясняются основанія правды высшей, — христіанской. Съ этой стороны понятно то, какимъ образомъ не смотря на букву закона и на вину обстоятельствъ Іисусъ Христосъ нашолъ возможность извинить или простить

блудницу. Само собой разумѣется, что эта правда, когда ниспадаетъ въ руки людей, не можетъ быть выполнена въ совершенствѣ, и никакъ нельзя ручаться, чтобы эта идея высшей правды была выполнена на судѣ человѣческомъ. Вотъ высшая форма суда человѣческаго — судъ присяжныхъ; онъ имѣетъ ложныя основанія, ибо онъ привязанъ исключительно къ фактамъ, рѣшаетъ то, что по суду высшей правды составляетъ самую ничтожную долю правды. Даже и въ томъ отношеніи, когда судъ обращаетъ вниманіе на внутреннюю жизнь, онъ никогда не можетъ быть совершенъ, — понятно почему: — судья-человѣкъ никогда не можетъ видѣть внутренней жизни обвиняемаго. Такимъ образомъ судъ Иисуса Христа былъ выше суда человѣческаго. Онъ опредѣляетъ участь человѣка не по внѣшнимъ даннымъ, а по внутреннимъ, — видитъ, что остается въ человѣкѣ-преступникѣ: если, добраго — больше, чѣмъ сколько преступленія, онъ прощается; если меньше, — извиняется, потому что въ послѣднемъ случаѣ, хотя находится въ человѣкѣ и одно сѣмя добра, но по суду высшему и оно рѣшаетъ дѣло въ пользу человѣка. Задача высшей правды, уничтожая зло, спасать человѣка. Жизнь человѣка, разсматриваемая со стороны юридической, психологической и исторической, показываетъ, что способствуетъ къ возвышенію добра, — кара ли зла, или поддержка самаго добра? Когда жизнь человѣка будетъ возвышаться, — тогда ли, когда развивается добро, или когда уничтожается зло?

Въ данномъ случаѣ Иисусъ Христосъ видѣлъ въ блудницѣ сѣмя добра, увидѣлъ это сѣмя въ любви. Онъ цѣнилъ эту любовь не по внѣшнему усердію, въ которомъ она выражалась, а по степени ея внутренней силы. И, разсуждая по человѣчески, нельзя не видѣть, что эта женщина имѣла силу духа, великую преданность и любовь къ Иисусу Христу, потому что она, не смотря на то, что пользовалась всеобщимъ презрѣніемъ, не смотря на то, что вращалась въ обществѣ фарисеевъ, не смотря на всѣ внѣшнія обстоятельства, она

приходить къ Иисусу Христу, — чѣмъ влекомая? любовью. Такова была сила ея любви.

Извѣстно, что въ психическомъ отношеніи не можетъ быть силы болѣе крѣпкой и возвышенной, какъ чувство любви; извѣстно, что это чувство, даже не на высокой степени своего напряженія, дѣлаетъ чудеса. Душу растроянную сила любви приводитъ въ гармонію, и приводя въ эту гармонію, сообщаетъ ей нравственное могущество, по которому она возвышается надъ собой. Самый безнравственный человѣкъ, при этомъ чувствѣ, бываетъ способенъ на хорошія дѣла. Съ этой стороны замѣчательны попытки, которыя можно назвать психологическими и моральными виѣстѣ, попытки — представить человѣка возрождающимся нравственною силою — собственной любви безъ поддержки свыше. Извѣстно, у Гёте въ Фаустѣ Маргарита спасается силою любви, — и при помощи этой силы возносится на небо. Героини Жоржъ Занда, преступныя и безнравственныя, когда попадаютъ на эту дорогу, возвышаются до такой степени, что дѣлаются добродѣтельными. Правда, тутъ много фальши, — именно въ томъ, будто человѣкъ можетъ спастись самъ по себѣ, но при всемъ томъ мысль эту въ психическомъ отношеніи нельзя назвать несостоятельною. Иисусъ Христосъ когда прощалъ грѣшнику, — *яко возлюбилъ многу*, видѣлъ эту силу, когда она могла развиться въ ней и направить ее на новый путь. Даже и въ тотъ моментъ, когда эта женщина только еще появляется ко Христу, уже видно, какъ ея душа была настроена къ добру, что она и выразила въ тихой преданности и упованіи на милосердіе Христа. Смотри на эту женщину, Иисусъ Христосъ, даже какъ человѣкъ, не могъ не замѣтить, что она отсель будетъ иною женщиною. Но съ этою силою любви встрѣтилась здѣсь другая сила — любовь божественная. Когда должна была осуществиться идея спасенія человѣка посредствомъ любви, — эта любовь должна была выразиться въ томъ, чтобы идти на встрѣчу любви человѣка: и если что дѣлала послѣдняя, то

дѣлала при помощи Божественной любви. Любовь же Божественная въ томъ и должна была проявиться, чтобы возбуждать любовь человѣческую ¹⁾).

(Мысли эти записаны и сообщены преподавателемъ новгородской духовной семинаріи *И. П. Пеньковскимъ*).

¹⁾ Этой лекціей (3 октября 1866 г.) преосвященный Іоаннъ закончилъ свои чтенія въ нашей академіи: онъ былъ перемѣщенъ на смоленскую епархію. Изъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1864 году предъидущему т. е. XXVI курсу, мы могли достать только одну: о «Всѣдѣ Ісуса Христа съ Никодимомъ»; эта лекція напечатана въ 27 № «Церковнаго Вѣстника». Редакція проситъ бывшихъ студентовъ XXVI-го курса доставить ей записи лекцій покойнаго преосвященнаго, если онѣ у кого нибудь изъ нихъ сохранились. Съ своей стороны она обѣщаетъ печатать оныя—не безъ достаточнаго вознагражденія.